

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2016 | апрель

интеллектуальный
диалог

ПАМЯТНИКИ: КАК, ГДЕ И КЕМ сохраняется память ● стр. 2-24

ПОМОЩЬ ПРИШЛА ИЗ СЛОВАКИИ

Вячеслав Филиппов:

● стр. 4

«В свободное время моряк Стано (он ходит на речном судне по Дунаю) занимается историей совместной борьбы советских и словацких воинов за освобождение Чехословакии от фашистов, ищет места гибели советских лётчиков в горах, выясняет имена, ищет родственников, ставит памятные знаки. В общем, делает ту же самую работу, как и мы в Красноярске».

КОГДА ТРАДИЦИЯ ПОД ЗАПРЕТОМ

Елена Вопилова:

● стр. 6

«Когда трудовое обучение уходит из школ, на этом как раз и заканчивается традиция. Потому что не учат ручному труду, а вместе с ним и тому, что делать надо не для того, чтобы другие посмотрели, а для того, чтобы чувствовать себя мастером».

ТОТ, КТО НЕ ПОМНИТ, БОЛЕН

Семён Прокопенко:

● стр. 8

«Мы вдруг поняли, что для работы с больными людьми у нас есть полный набор: приспособления, очень дорогие аппараты, уникальные авторские разработки наших учёных. А вот для обычных горожан, кто в целях профилактики хотел бы пройти подобные тренинги, не предусмотрено НИЧЕГО».

«Прежде чем создать самый большой в мире китайско-русский словарь красноярец Иван Фигуровский (будущий митрополит Иннокентий) пешком пришёл из Верхнего Кужебара в Санкт-Петербург и добился специального распоряжения императора Александра III о приёме в духовную семинарию. Двухметровый великан-сибиряк вошёл в историю не только своим непревзойдённым китайским словарём и созданием Китайской православной церкви. Митрополит Иннокентий Пекинский в первой трети XX в. стал символом борьбы за сохранение традиционного православного русского общества».

Историк Владимир Дацышен о тех, кому ещё не поставлен памятник

● стр. 10

Это качество — помнить и хранить памятное — всегда считалось необходимым для существования культуры, народов, человека. И вот пришло время, когда необходимость помнить ставится под сомнение. Наши прагматичные европейские современники всё чаще говорят о травматической памяти, о том, что какие-то вещи надо предать забвению, стереть — и это в масштабах исторических взаимоотношений стран и народов. Не хочется становиться в позу и говорить очевидные слова о том, что

как только забывается одна правда — на смену ей преподносится другая, и вот уже виновными оказываются потерпевшие, и проч., проч.

Тема сложная. Однако надо быть готовым к тому, что Россию с её «Никто не забыт, ничто не забыто» скоро опять будут считать странной анахронизмом и в очередной раз «не понимать». Ну и пусть. Важно, чтобы мы сами не ленились совершать этот труд: помнить.

Крушащие память

Всякий снос памятника — действие сакральное, в какие бы светские одежды оно ни рядилось. Памятник — символ веры. Природа человека такова, что ему нужно во что-то верить. Пусть даже в то, что всякая вера — опиум и обман. Недаром те, кто так яростно боролся с религией в России, возвели для своего усопшего вождя настоящую пирамиду, которой могли бы позавидовать иные фараоны.

Памятник — это знак эпохи, когда та или иная вера доминировала, была всеобъемлющей, вела за собой миллионы. А другие миллионы заставляли склонить голову и покориться.

И сегодня те, кто некогда покорились неизбежному, сносят памятники былой эпохи с удвоенной яростью. Так всегда происходит на сломе эпох, в моменты, когда одна вера сменяет другую, когда новый мир приходит на смену старому. Поэтому стремление российских сталинистов ставить новые памятники вождю народов — явление того же порядка, что и яростная борьба наследников Бандеры с памятниками Ленину на Украине. И то и другое — диалог наших современников с ушедшей эпохой. А вернее сказать — с нынешними представлениями о том, какой она должна была быть. Ведь память человеческая избирательна. И там, где одни видят рай на земле, другие находят беспримечный мрак. А то, что реальная история полна картин с тысячами оттенков, мало кого волнует: те, кто ставит памятники, и те, кто их сносит, как правило, воспринимают жизнь предельно просто.

И пока советская эпоха не станет в умах людей настолько древним воспоминанием, что не будет уже вызывать практически никакие эмоции, одни будут яростно сносить памятники, а другие — не менее страстно возводить новые.

Потому что войны, на которых погибли солдаты, похороненные в братских могилах, всё ещё идут. В головах людей. Ни одна рана ещё не зажила.

Грандиозные планы

В Польше работает организация с интересным названием — Институт национальной памяти. По словам его

руководителя Лукаша КАМИНСКОГО, институт занимается исключительно расследованием преступлений против польского народа. Недавно Каминский заявил, что власти Польши планируют снести 500 советских памятников по всей стране.

Проект сноса сейчас направляется в местные органы власти. И если для кого-то это станет новостью, то только не для поляков. Памятники там пытаются сносить и сносят с начала 90-х годов прошлого века. «Дипломатическая служба Кремля реагирует очень бурно каждый раз, когда в Польше ликвидируется памятник, посвящённый Советской армии», — говорит Каминский, видимо, полагая, что бурная реакция неуместна и должна со временем сойти на нет.

Однако он совершенно не берёт во внимание то, что и в России есть немало памятников полякам. В их числе печально знаменитый Катинский мемориал. В польской его части построена ритуальная площадка с алтарём и колоколом, захоронения с именными табличками расстрелянных очерчивает мемориальная стена. (В Катини погибло и около 8 тысяч русских; на месте их погребения стоит православный поклонный крест). И вот если бы кому-то в голову пришла дурная мысль снести польский комплекс, была бы со стороны Польши и других стран «бурная реакция»?.. Хорошо, что в голову это никому не приходит.

История переписывается тем скорее, чем дальше в глубину лет уходит трагические события XX века и чем больше соблазн использовать исторические события в синопичных корыстных целях. В Польше в последнее время истерия со сносом памятников только усугубляется.

В июле 2015 года в Нова-Суле снесли памятники братства по оружию солдат Войска польского и Красной Армии. В сентябре и ноябре того же года осквернили могилы советских воинов в Гданьске и Белостоке. И таких случаев за последние два года было около 30. Пока официальные лица лицемерно прикрываются словами об освобождении от коммунистических символов, их недалекие фашиствующие соотечественники скачут на захоронениях, выворачивая и разбивая могильные камни.

Справедливости ради надо сказать, что отнюдь не все поляки положительно относятся к осквернению и сносу военных памятников. Когда в городке Пененжно осенью прошлого

года демонтировали памятник генералу Ивану ЧЕРНЯХОВСКОМУ, погибшему в этих местах, из опроса местных жителей стало ясно, что многие к этой акции отнеслись отрицательно, более того, полагали, что такими действиями власть пытается отвлечь внимание поляков от насущных проблем. Самое же удивительное, что ещё в феврале 2014 года, то есть за полтора года до сноса, в день гибели Черняховского, около монумента проводился траурный митинг, в котором участвовали как русские, так и польские ветераны Второй мировой, многие с детьми. Все они выступали против сноса. Тем не менее свежезабраный бургомистр Пененжно заявил: «Это вопрос идеологический. Мы боремся с символами коммунизма, тоталитаризма и фашизма на территории всей Польши». К какому из этих символов относится памятник погибшему за освобождение Польши от фашизма молодому генералу, которому не было и 40 лет, — вопрос к совети поляков, колоколом, за которым стояла Польша сложили головы более 600 тысяч русских солдат.

Остаётся лишь добавить, что борьба с фашизмом не помешала полякам отстроить бывшую ставку Гитлера в Восточной Пруссии «Волчьего логова» в Кеншине и собирать там с туристов деньги.

Бронзовый солдат, фашистский мемориал и разорённая экономика

Одним из первых громких дел по сносу памятников на постсоветском пространстве стал снос таллинского Бронзового солдата в Эстонии.

Бронзовый солдат — символ освобождения Таллина — и покоящиеся под ним останки 13 военнослужащих (среди которых, кстати, были представители разных национальностей) давно не давали покоя местным властям и националистам. Шумиха началась в 2006-м — одни демонстративно возлагали к монументу венки из колочей проволоки, другие несли цветы и организовывали патрули для охраны памятника. Кроме того, летом 2006-го открылся фашистский мемориал в Синимяэ, и стало ясно, что одновременно памятники солдату-освободителю и фашисту на этой маленькой земле стоять не могут.

Многие не верили своим глазам, когда в Синимяэ съехались ветераны 20-й эстонской дивизии СС и молодые бритоголовые. Памят-

ник открывали в честь эсэсовцев из Бельгии и Нидерландов, в придачу к уже построенному мемориалу в честь эстонских нацистов. На стеле был изображён эсэсовец, каким его обычно показывают в фильмах — в каске, с железным нацистским крестом на груди и с автоматом наперевес. Надпись под этим каноническим изображением фашиста гласила, что увековечен он в честь его борьбы с большевизмом. Устроители скромно умолчали об иных «заслугах» войск СС, а именно о карательных акциях и убийствах мирного населения.

Характерно, что посол Бельгии в Эстонии Пьер ДЮБИССОН откестился от события, заявив, что в его стране «воевавшие в Эстонии бельгийцы считаются предателями из числа нацистских коллаборационистов». Но власти этого «не услышали», и памятник нацизму спокойно стоит до сих пор. В отличие от Бронзового солдата, которого всё-таки снесли — крадучись, тайно, в ночь на 27 апреля 2007 года, после чего в стране начались беспорядки. И как бы ни хотелось властям уничтожить монумент полностью, пришлось увезти его на Восточное кладбище на окраине города.

27 апреля во время столкновения между противниками и сторонниками сноса памятника ранения получили 57 человек, среди них 13 полицейских. Один человек умер в больнице от ножевых ранений, полученных в ходе беспорядков. В полицию было доставлено около 300 человек, из которых треть была этническими эстонцами. В ночь на 28 апреля была осквернена братская могила советских воинов в городе Валга, одновременно осквернили мемориал эсэсовцам в Синимяэ и немецкое кладбище в Кохтла-Ярве. В эти же дни был зарезан российский гражданин Дмитрий ГАНИН (парню было 19 лет). В июне 2009 года виновные в его смерти эстонцы получили штрафы от 5000 до 12000 евро, а дело было прекращено.

Председатель комитета Палаты представителей по международным делам Том ЛАНТОС, член Конгресса США, высказался о событиях в Эстонии так: «Я живо вспоминаю конец Второй мировой войны, героизм русского народа и русской армии, понесшей огромные потери при освобождении Европы от нацистской оккупации. Эта историческая память заставляет меня заключить, что перенос статуи русского солдата в Таллине, в Эстонии, был глубоко ошибочным шагом, поскольку эта статуя

символизирует героическую жертвенность народа России и других республик на протяжении многих лет».

Ошибочный шаг имел последствия: экономические связи Эстонии с Россией были подорваны. По мнению ряда российских и зарубежных экономистов, в 2008 году общие потери для Эстонии в результате событий вокруг Бронзового солдата оценивались в сумму более 7-8 млрд крон в год, а в 2014 году сумма потерь, по мнению бывшего премьер-министра Эстонии Тийта Вяхи, составила уже 8 млрд евро в год.

С кувалдой наперевес

Однако самые скандальные и нелепые сносы памятников происходили и продолжают происходить на территории Украины.

Если в сопредельных государствах сносом занимались государственные структуры, то здесь, ввиду отсутствия устойчивой власти, граждане валили памятники кто во что горазд. Не обходилось без жертв.

Так, в конце сентября 2014 года в Харькове националисты более двух часов пытались разрушить памятник Ленину. Монумент считался самым крупным из установленных на Украине. В конце концов участникам акции это удалось — памятник рухнул, при этом серьезно пострадали четыре львовских националиста, специально приехавших в Харьков ради участия в акции: кому-то выбило глаз лопнувшим тросом, кто-то повредил голову, упав с постаментов... Харьковская же администрация, чтобы не остаться не у дел, постфактум выпустила постановление о демонтаже монумента.

2014-й был особенно урожайным на сносы, чаще всего скидывали именно памятники Ленину, полагая его главным средоточием зла в украинской жизни. Всего за это время снесли около 300 памятников по всей Украине. Иногда случались любопытные вещи: ленинский монумент в Запорожской области неизвестные повалили в марте 2015 г. Через месяц, ко дню рождения вождя 22 апреля, статую вернули на место местные ветераны Великой Отечественной войны, афганцы и члены компартии. Для этой цели они собрали пожертвования с добровольных участников, наняли кран и, водрузив памятник на место, поставили охрану. Дальнейшая судьба запорожского Владимира Ильича в СМИ не прослеживается, скинули ли его снова — неизвестно. В последнее время жители Украины заняты более серьезными проблемами, нежели борьба с постаментами создателю Украинской советской республики.

Ещё до майдана (вернее, до второго майдана) на Украине происходили погромы воинских захоронений Второй мировой. Так, в 2011 году, на Львовщине, в Сокальском районе, вандалы отбили голову памятнику Воину-освободителю, который стоял на месте захоронения ста солдат, а памятник жертвам Холокоста, расположенный неподалеку, разрисовали трезубцами и свастикой. Тогда это ещё вызывало возмущение местных властей и силовиков, один из которых, замглавы районной милиции, признался: «Мы не можем назвать людей, которые учинили этот погром, просто хулиганами. Думаю, что к погрому причастны более серьезные личности, которые принадлежат либо к какой-то секте, либо к организации». Прошло несколько лет, и гримить мемориалы стали уже без всяких оправданий и сожалений.

В мае 2015-го в Киеве толпа вандалов-подростков разбила мемориальную доску, установленную в честь маршала Георгия ЖУКОВА. На вид им было от 14 до 18 лет, в масках,

они колотили по доске кувалдами и ломами. Милиция задержала несовершеннолетних, однако на выручку в отдел к ним приехал депутат Рады от Радикальной партии Игорь МОСИЙЧУК. Депутат сообщил сотрудникам милиции, что на днях президент ПОРОШЕНКО подписал «Закон о декommунизации», следовательно, подростки совершили благое дело. Вандалов в итоге отпустили, и дело о вандализме не было возбуждено. Слабый голос директора департамента благоустройства киевской администрации Дмитрия БЕЛОЦЕРКОВЦА не был услышан, в интервью он тогда сказал следующее: «Пока не проведена инвентаризация всех памятников эпохи тоталитарного режима, действия активистов расцениваются как акт вандализма».

Радикалы же были столь уверены в себе, что даже публиковали список памятников, которые они намеревались снести. И туда, помимо прочего, входил... Мемориал массовым убийствам в Бабьем Яру (до этого неизвестные три раза поджигали там православный храм). То есть по факту борьба шла уже не с советскими

Кутаисский мемориал. Подготовлено было всё из рук вон плохо, поэтому при взрыве убило осколками женщину с восьмилетним ребёнком, ещё два человека серьезно пострадали и были доставлены в больницу. Тем не менее почти стометровая железобетонная конструкция была снесена. Разумеется, властями были даны обещания, что памятник будет восстановлен в другом месте, а за несколько часов до подрыва монумента министерство иностранных дел Грузии выступило с комментарием: «С полной ответственностью заявляем, что в Грузии с уважением относятся к памяти воинов, погибших во Второй мировой войне, и государство и общество Грузии заботятся о памятниках и мемориалах».

Стоит ли говорить о том, что Кутаисский мемориал так и не был восстановлен?

Политикам тут не место

Пока радикалы-руссофобы и неонацисты упражняются в варварстве, сноса памятники советской эпохи, в небольших селениях, далёких от по-

следит, чтобы дети с уважением относились к месту памяти, не мусорили и не бежали по мемориалу. Несколько лет подряд на 9 Мая в Капустино приезжают родственники погибшего солдата, в том числе его племянник Таймураз Ревазов, чиновник министерства здравоохранения республики Северная Осетия — Алания. Семья Кубачева накрывает столы для гостей, приходят и другие односельчане, сидят, поминуют погибших.

Родственников погибшего бойца нашли далеко не сразу, потому что его полное имя поначалу не знали. Племянник до сих пор поражается тому, что Абдулла не оставил в запустении могилу практически неизвестного солдата. За эти годы семьи подружились, дети подросли вместе. А возле могилы сельские учителя на День Победы проводят открытые уроки. Сегодня уже известно о том, как погиб Иван Ревазов и за что был награжден: «Младший политрук Ревазов Иван Семёнович 10 октября 1942 года в неравном бою с немецко-фашистскими захватчиками лично уничтожил двух фашистов и сам пал смертью храбрых», — так говорится

Демонтаж памятника советским солдатам в Польше

символами, а с мёртвыми жертвами фашистов. И то, что теперь в неё вовлечены дети, иначе как безумием назвать нельзя.

Взрыв как подарок на день рождения

21 декабря 2009 года тогдашнему президенту Грузии Михаилу СААКАШВИЛИ должно было исполниться 42 года. Как раз к этому событию и был приурочен взрыв памятника грузинским воинам, погибшим в Великой Отечественной войне. Причины уничтожения монумента назывались самые разные, в числе основных — та, что мемориал якобы требует ремонта. Не называлась, однако, самая главная причина: желание Саакашвили уничтожить всё, что было связано с Советским Союзом и Россией.

И вот, несмотря на то что в великой войне погибло около 80 000 грузин, несмотря на протесты оппозиции и граждан, 19 декабря частная компания, получив подряд на уничтожение памятника, взорвала

литических бурь, простые люди продолжают бережно хранить память о советских солдатах, погибших на самой кровопролитной войне в истории человечества.

Вот лишь несколько примеров: Жил в Чечне Абдулла КУБАЧЕВ, который всю жизнь ухаживал за могилой бойца, погибшего в Великую Отечественную. Могила просто была недалеко от дома Абдуллы. Когда Абдулла умер, то попросил сына не бросать захоронение и так же приглядывать за ним.

И сегодня 47-летний Умар Кубачев из села Капустино продолжает дело отца. А в могиле лежит осетинский солдат Иван Семёнович РЕВАЗОВ, погибший в боях на территории Чечни в 1942-м году. Абдулла, вернувшийся в своё время из казахстанской ссылки, расчистил место вокруг могилы, поставил ограду и установил памятную табличку из мрамора. Маленький тогда ещё Умар помогал отцу.

Сегодня в селе нет человека, который бы не знал о захоронении, директор тамошней сельской школы

в похоронке, которая пришла семье. Погибший солдат посмертно был награжден орденом Великой Отечественной войны 2-й степени.

Другой пример — из киргизского села Корумду на берегу Иссык-Куля. Во дворе местной школы стоят мраморные плиты с изображением советского солдата и именами жителей Корумду, которые участвовали во Второй мировой войне. За свои деньги установил этот памятник житель села, пенсионер Таалай БОРОНБАЕВ. Сделать это он хотел давно и даже привлёк родственников, чтобы те помогли с дизайном и покупкой плит. Для этого ему пришлось даже продать свою корову. На открытии Таалай сказал: «Мы оставляем этот памятник для будущих поколений, чтобы не было войны». Всего, как рассказывают в деревне, на фронт ушли 119 её жителей, 79 из них не вернулись. В числе воевавших был и отец братьев Боронбаевых. Сынью убековичи в мраморе и его имя.

Бумеранг добра

Вам нужно найти информацию, вы тратите на поиски месяцы, годы. И тут ответ приходит — причём совсем из другой страны и от неизвестного вам человека. Спасибо социальным сетям, мы начинаем привыкать к таким чудесам. Но всё же это вдвойне чудо, когда из Европы вам помогают найти место захоронения лётчика, погибшего именно на нашей сибирской земле.

Красноярцы уже хорошо знают группу энтузиастов, которые занимаются поиском мест катастроф боевых самолётов на территории края периода Великой Отечественной войны. Местная пресса, и наша газета в том числе, об этом много писала. Большая часть тех трагических происшествий имеет отношение к наконец-то выведенной из неизвестности истории перерегоночной Красноярской воздушной трассы (более известной как трасса «Аляска-Сибирь»). За десятилетие работы поисковиков перелопачены архивы в Красноярске, Москве, Новосибирске, Иркутске, Якутске, составлены списки, написаны книги, проводятся экспедиции, устанавливаются памятные знаки и т.д. Кажется бы, белых пятен не осталось. Но трасса не отпускает...

Идеолог поиска погибших лётчиков — Вячеслав ФИЛИППОВ, сотрудник музея Военно-инженерного института, руководитель музейно-выставочного направления Экспедиционного центра Русского географического общества в Сибирском федеральном округе. Сегодня он рассказывает о катастрофе, случившейся уже в послевоенные годы, и о том, как запущенный в Красноярске «бумеранг добра» вернулся с неожиданной помощью из Словакии.

Неизвестный «Бостон»

Осенью 2014 года поисковая группа Военно-инженерного института СФУ и Красноярского подводного центра провела четыре экспедиции в тайгу, в район Снежных. Цель поиска: место катастрофы неизвестного самолёта, со слов местных жителей произошедшей в первые послевоенные годы.

Вот что рассказывал житель Железногорска Юрий Владимирович ОЛЬХИН (год рождения — 1937): «Осень до Покрова, снега ещё не было. Погода стояла плохая — низкая облачность, дождь вперемешку со снегом, пасмурно. Самолёта сначала не было видно, только слышно звук. Звук двигателей был очень громкий, громче, чем обычно, с металлическим скрежетом. Самолёт потерял высоту, снизился над лесом и задел огромное дерево-лиственницу, срубив его. Мы потом стреляли — высота пня метров 10-12, диаметр около метра. Самолёт от удара развернулся носом к железной дороге, горел. Лётчик погиб. Сгорел не весь фюзеляж, ребята снимали приборы, вытаскивали цветные провода. Боеприпасов ребятами не находили, находили только пару ракетниц и «шилдики» (т.е. таблички с обозначениями и номером агрегата, — ред.) на иностранном языке, которые не могли прочесть (учили немецкий). Самолёт двухмоторный, в деревне говорили, что геологический, называли «Дуг-

ласом». После катастрофы приезжала официальная комиссия. Начиная с 1960-х годов местные жители вывозили с него зимой на лошадках всё, что можно было сдать в лом или приспособить в хозяйстве».

Судя по скудной информации предположительно это мог быть лендливский американский С-47 или его советский аналог Ли-2. В имеющемся у поисковиков перечне авиакатастроф подобная катастрофа в 1946-1947 гг. в этом районе не значилась. По прошествии десятков лет редкие свидетели, в момент катастрофы бывшие детьми, а сейчас уже пожилые люди, хорошо помнят само происшествие, но частенько путают год. Учтивая это, поисковики подумали: а вдруг это всё-таки военное время? Тогда это может быть не Ли-2, а А-20 «Бостон» сержанта СМЕТУХИНА, потерпевший катастрофу в учебном полёте примерно в этом районе 3 марта 1943 года, — самолёт, который вот уже несколько лет никак не удаётся найти.

Первая экспедиция в район Снежных прошла безуспешно. Следующий поход 29 сентября 2014 года тоже поначалу был безрезультатным, но на обратном пути к станции наш добровольный помощник, «таёжник» Александр АСТАХОВ, буквально наткнулся на обломки самолёта и зафиксировал координаты места.

2 октября поисковики Александр МАТВЕЕВ и Сергей СВИНТИСКИЙ снова идут туда, теперь уже точно зная место катастрофы. В траве — основные стойки шасси, помятый и разорванный взрывом маслобак. Метра в тридцати — часть двигателя. С помощью металлоискателя в верхнем слое почвы обнаружили ещё много мелких фрагментов самолёта: гидроцилиндр створки бомболюка, втулку винта, двутавровые балки крепления крыла к центроплану, тормозные диски. Оказалось, это действительно не Ли-2, а именно американский «Бостон». Но откуда он после войны?

Опять возникли мысли, что это может быть самолёт Сметухина. Но согласно акту расследования Сметухин потерпел катастрофу в 10 км южнее станции в 1943 году, а местные жители всё-таки утверждали, что катастрофа произошла после войны, и настаивали, что это был гражданский самолёт.

Снова «книжный» поиск. Выяснилось, что в конце 1945 — начале 1946 года в ведомственную авиацию из Военно-воздушных сил были переданы несколько самолётов «Бостон», которые попали в авиаотряды Главного управления Гидрометеослужбы и аэрофотосъёмочные отряды Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР. И то, что на месте катастрофы за все годы не было найдено ни одной гильзы от боеприпасов, подтверждало гражданскую версию. Самолёт ведомственной авиации? Предстоял поиск информации в архивах названных ведомств, но архивы не радовали обилием информации.

12 октября 2014 года поисковики вместе с курсантами Военно-инженерного института СФУ провели ещё одну, оказавшуюся самой результативной, экспедицию на Снежную. Несмотря на плохую погоду (снег в лесу уже лёг окончательно) были проведены дополнительные раскопки на значительной площади. В результате чётко определено место, где сгорела кабина лётчика и кабина стрелка, и были найдены фрагменты и детали самолёта, полностью подтвердившие версию поисковиков.

На месте сгоревшей кабины лётчика обнаружили штурвал с остатка-

ми проводки, механический редуктор с американскими клеймами, часть редуктора от авиационного фотоаппарата АФА, металлические детали парашюта советского производства, неформенную пуговицу от одежды и (!!) пятикопеечную монету 1946 года выпуска. Всё это дополнительно подтверждало версию гражданского самолёта (перерегоночные самолёты оснащались американскими же парашютами, пуговицы должны были быть армейскими, со звездочкой и т.д.).

Поиски продолжились в московских архивах, было перемотрено множество документов и в итоге всё-таки были обнаружены следы этой катастрофы.

Оказалось, что в 1946 году Новосибирский аэрофотосъёмочный отряд получил несколько самолётов А-20 с заданием испытать их, переделывать в своих мастерских в аэрофотосъёмочный вариант и опробовать оборудование на практике. «Бостоны» прибыли без инструмента, запчастей, без запасных двигателей. Тем не менее самолёты успешно освоили. В новосибирском аэрофотосъёмочном отряде было 16 экипажей самолётов «Бостон». В состав экипажа самолёта-аэрофотосъёмщика входили пилот-командир экипажа, штурман-аэрофотосъёмщик, бортмеханик, бортрадист и бортоператор. Скопировали все найденные документы, составили поисковые списки. Стало понятно, кто, на каких самолётах и в какой период работал в сезон.

А в Красноярске обнаружился ещё один полезный нам человек — Валентина Ивановна ХАХАНОВСКАЯ. Её отец в то время работал в аэрофотосъёмочном отряде начальником партии. От неё мы получили немногие, но очень важные для нас уточнения:

«... В крае было две партии. Одна в Красноярске, одна в Туруханске. В партии от одного до пяти самолётов. «Бостоны» были в эксплуатации до 1950 года и позже. Цвета серебристого, переделаны для съёмки: самолёт оснащён фотокамерой, радиовысотометром и статоскопом. Снимали на 20-миллиметровую камеру с рулонной плёнкой. На памяти не менее трёх катастроф с «Бостоном»: один экипаж разбился при перелёте из Красноярска в Новосибирск, один пропал без вести в 1950 году в Туруханске. Погибшие экипажи увозили хоронить в Новосибирск».

К сожалению, про катастрофу в Снежных Валентина Ивановна ничего сказать не могла...

В 1949 году в авиации управления геодезии и картографии было 70 (!) «Бостонов». Уже четыре года как американских самолётов в СССР не должно существовать, а их 70 штук летает, выполняя важнейшую и секретней-

шую задачу по составлению топографических карт. Причём фактически при отсутствии запчастей и нормального технического обслуживания.

Снова московский архив, и, наконец — три дела о трёх катастрофах 23.10.1950 г., пилот Боярчиков Г.Н.; 11.10.1950 г., пилот Прилепко А.А.; 10.08.1951 г., пилот Соловьёв В.И.

Но какая из трёх катастроф — наша? Узнаём об этом только благодаря межведомственной переписке.

«Заместителю начальника ГУ ГВФ генерал-майору Захарову.

11 октября 1950 г. в 25 км от Красноярска произошла катастрофа с самолётом аэрофотосъёмки А-20 под управлением пилота Прилепко. Прибывший на место представитель ГУ ГВФ тов. Радугин приступил к расследованию указанного случая без участия представителя Красноярского УГМС, которое даже не было поставлено в известность об этой катастрофе... Заместитель начальника ГУ ГМС Урываев».

«...Сторож станции Снежная Губенко показал, что был сплошной туман, обратил внимание на перебор и ненормальный звук моторов самолёта. Обходчик железнодорожного пути сообщил, что тумана не было. Разбор показал, что метеопрогноз Рыбкова в основном оправдался, и его вины нет.

Самолёт летел над железной дорогой примерно между 10-11 часами местного времени курсом на запад на высоте примерно 1500 метров».

Итак, только теперь можно с уверенностью утверждать — в районе станции Снежная разбился самолёт А-20 «Бостон» Ф-341. Экипаж: пилот ПРИЛЕПКО А.А., штурман-аэрофотосъёмщик ВОРОБЬЁВ В.С., бортмеханик БЛИНОВ Г.С., бортрадист ВАРЕННЫХ Н. Катастрофа произошла 11 октября 1950 г.

Судьба пилота

Благодаря этой запутанной истории можно понять, как непросто выполнялась серьёзная работа по составлению топографических карт нашей необъятной страны. Именно из-за секретности производимых работ в архивах очень мало документов о деятельности авиаотрядов и о личном составе. Нашлась только «Классификационная карточка» погибшего пилота, в которой маленькая фотография 3x4 и четыре строчки: «Пилот Прилепко Алексей Александрович, 1921 г.р. Окончил Новосибирский авиашколу лётчиков в 1940 г. Летает на По-2. Присвоен 3-й класс. На 1 марта 1949 г. налёт 2028 часов, из них ночью 1071 час».

Сайт «Подвиг народа» рассказал об Алексее Александровиче больше, лётчик оказался настоящим героем войны. Родился Прилепко в 1921 году

в г. Анжеро-Судженске Кемеровской области, оттуда и ушёл в армию в 1939 году. На фронте с 19 июля 1942 года в 13-м гвардейском полку авиации дальнего действия. Летал правым пилотом, командиром корабля на самолёте В-25 «Митчелл». Бомбил промышленные объекты противника в глубоком тылу, коммуникации и аэродромы врага. На 17-м боевом вылете над Смоленском был сбит зенитной артиллерией, покинул самолёт с парашютом. Приземлившись, вышел к партизанам и, несмотря на тяжелые ожоги, воевал в составе партизанского отряда. После возвращения в часть продолжил боевую работу. Закончил войну командир звена дальних бомбардировщиков гвардии старший

лейтенант Прилепко кавалером трёх орденов Красного Знамени и ордена Отечественной войны 1-й степени. На его счету было 223 успешных боевых вылета на бомбардировку важных военно-промышленных объектов противника, выброску десантов и грузов партизанским отрядам.

В наградном листе есть такие слова: «... Тов. Прилепко летает в любых метеорологических условиях дня и ночи, техника пилотирования на самолёте В-25 отличная, материальную часть знает хорошо и эксплуатирует грамотно».

Когда стали известны фамилии погибших членов экипажа, мы решили, что на месте их гибели обязательно поставим памятный знак и соберём на это торжественное мероприятие всех жителей Снежинца, чтобы рассказать им о тех, кто погиб за карту Родины и до сей поры оставался неизвестным.

Но слова В.И. Хахановской о том, что погибшие экипажи хоронили в Новосибирске, не давали покоя, и мы решили попытаться найти эту могилу и родственников лётчика-фронтовика Алексея Прилепко.

Попросил друзей в Новосибирске помочь. Они искали — безрезультатно. Не было ясности с кладбищем (оно в Новосибирске не одно), не нашли имён погибших и в книгах учёта захоронений. Казалось бы, тулик. Времени прошло — 65 лет! Возможно, и могилы уже нет, так бывает.

Информация о нашем поиске попала в газету «Городские новости», а оттуда в вездущий Интернет. Вот он нам и помог.

От Брезно до Новосибирска

10 декабря 2015 года я получаю письмо по электронной почте:

«Здравствуйте, уважаемый Вячеслав Филиппов!

Вам из Словакии шлёт сердечный привет Стано БУРСА. Я занимаюсь поисками советских лётчиков, кото-

рые воевали за освобождение Чехословакии в 1944-1945 гг. Одним из этих лётчиков был командир самолёта В-25 «Митчелл» 15-го гвардейского бомбардировочного авиаполка гвардии старший лейтенант А.А. Прилепко. Я нашёл в Интернете статью о том, что Вы нашли место, на котором он 11.10.1950 г. погиб в районе станции Снежинца. Я буду очень благодарен, если Вы мне пришлёте в Словакию фотографии места гибели А.А. Прилепко. Большое Вам спасибо за всё, что вы делаете для памяти лётчика А.А. Прилепко, который воевал за наше освобождение, и потому нам и сегодня возможно жить в мире».

Вот так героические дела Алексея Прилепко на фронте помогли познакомиться поисковикам России и Словакии. Завязалась переписка. Оказалось, что 52-летний Стано Бурса родился в г. Брезно. В шести км от города находилась площадка, с которой во время войны летал Прилепко на помощь словацким партизанам. В 60 км от Брезно находился военный аэродром «Три Дуба», в горах до сих пор лежат обломки самолётов Ли-2 и В-25, разбившихся в операции 1944 г. по доставке боеприпасов и продовольствия партизанским отрядам в Словакии и Югославии. В свободное время моряк Стано (он ходит на речном судне по Дунаю) занимается историей совместной борьбы советских и словацких воинов за освобождение Чехословакии от фашистов, ищет места гибели советских лётчиков в горах, выясняет имена, ищет родственников, ставит памятные знаки, в общем, делает ту же самую работу, как и мы в Красноярске. Я выслал Стано фотографии и написал о нашем безрезультатном поиске захоронения экипажа в Новосибирске.

Ответное письмо Стано: «В Новосибирске живёт мой друг, которому я сообщил, где погиб его дядя. Он был у нас в Словакии, и мы ходили на могилу его дяди в горы и установили там памятную плиту. Он попробует найти могилу экипажа Прилепко».

Ждать долго не пришлось. Письмо новосибирца:

«Вчера, 12 декабря 2015 года, я поехал на Заельцовское кладбище, оно просто огромное и разбито на сектора, которых более 100. Зашёл в администрацию, там молодой парень, я сказал ему, что разыскиваю захоронение погибшего лётчика. Начали проверять данные по компьютеру, но фамилия Прилепко у них в базах данных отсутствовала, так же как и фамилии других погибших 11.10.1950 г. Администратор не поленился, сходил в архив и принёс две толстые книги регистрации за октябрь 1950 года, пролистав обе, нашёл только одну запись «Аэрофлот — 5 гробов 21.10.1950 г.». Ни имён, ни фамилий записано не было, но по дате близко к нашим лётчикам. Я поинтересовался, в каком секторе это захоронение, он ответил, что это напротив администрации через дорогу, но найти нереально, так как все могилы были переписаны и учтены. А если и есть такая могила, то, скорее всего, с одной звездой без имён, сектор № 37 очень большой, и сейчас зимой искать нереально».

Вышел я из администрации Заельцовского кладбища ни с чем, посмотрел в сторону сектора № 37, внимательно глянул вдаль и, не поверивши, мой взгляд уткнулся в красную звезду в глубине сектора метров в 50-ти от дороги. Звезда красная, а памятник покрашен синей краской, до него рядов 10 могил, снег 30 см, я в туфлях, думаю, как же мне туда добраться?!

Сделал 10 шагов по снегу, провалился, остановился, подумал: «Зачем я полез по снегу туда, мне же сказали, что нет таких захоронений?». Но что-то меня подтолкнуло идти дальше до этого памятника. И представь, я добрался до него, хоть и по колену в снегу. Это какое-то чудо. Это и была та могила лётчиков, трагически погибших 11.10.1950 г. и похороненных 21.10.1950 г. Ура!!!! Я нашёл захоронение своего земляка Алексея Прилепко! Высылаю тебе фото этого места. Там ограда, в которой установлено четыре памятника».

Судя по фотографии, есть ещё кто-то из родственников, кто ухаживает за могилкой, но сил и средств у явно очень пожилого и не богатого человека хватает только на то, чтобы

подкрасить старую металлическую пирамиду свежей краской на «Родительский день».

Родственников погибших лётчиков ищем, пока не откликаются. Надежду не теряем. В конце мая, когда в тайге за Снежинцей окончательно сойдёт снег и прогреется земля, на месте гибели лётчиков, трагически погибших поставим памятный знак. Пригласим всех жителей Снежинца и расскажем им о том, как «бумеранг добра», запущенный лётчиком Алексеем Прилепко в 1944 году в горах Словакии, вернулся к нам в 2015 году в Красноярск и помог найти его последний приют.

Вячеслав ФИЛИППОВ,
akira.62@mail.ru

Послесловие

Две поездки в Новосибирск, две поездки в Москву. Год поиска в архивах. Не просто оказалось найти следы катастрофы в Снежинце. Но раз уже добрался до архивов, разбираюсь со всеми катастрофами самолётов Новосибирского аэрофотосъёмочного отряда. Оказалось, ещё три изношенных «Бостона» унесли жизни экипажей в 1950-х годах.

>> 23 октября 1950 г. в 6.15 мск. Экипаж: пилот Боярчиков Г.Н., бортмеханик Мязитов К.З., бортрадист Сушков М.Ф., аэросъёмщик Мягких А.К., бортоператор Быкова Т.Г.

Вылетели на А-20Ж Ф-283 с Новосибирского аэропорта для выполнения задания по аэрофотосъёмке. После взлёта на высоте около 50 метров перебои мотора. Правый мотор самолёта отказал на высоте 120 м. Отсутствие площадки вынудило пилота садить самолёт на лес. Пролетев, сбивая деревья, 250 м, самолёт правой плоскостью задел бровку канавы, отломил консоль, при ударе о землю разрушился и загорелся. Погибли Мягких и Быкова, остальные ранены. Самолёт работал на объекте с 25 июня по 23 октября 1950 года. Задания — Васюгово-Тымский и Кемерово-Сталинский район и договорные».

>> 10 августа 1951 года в 13.35 мск в 22 км северо-западнее Петропавловска-Казанского катастрофа самолёта А-20Ж Ф-330. Экипаж: пилот Соловьёв Владимир Иванович, штурман-аэросъёмщик Харитонов Станислав Григорьевич, бортмеханик Кичигин Борис Тимофеевич, бортрадист Теплов Иван Константинович, бортоператор Дербышев Леонид Васильевич.

Время работы на объекте на Курганском и Тюменском титуле с 15 июня по 10 августа 1951 г. Последний съёмочный полёт 8 августа 1951 г.

Самолёт стал терять высоту и с 400 метров с пламенем под углом 60-70 упал, взорвался и сгорел в районе деревни Петерфельде. Все погибли.

>> 24 июня 1950 г. самолёт А-20 Ф-284, пилот — заместитель командира отряда Юренков вылетел из Подкаменной Тунгуски и в Туруханск не прибыл. В этот же день на 10 минут позднее по этому же маршруту вылетел пилот Максимов на А-20 Ф-344 и прибыл в Туруханск благополучно. Последняя радиogramма с Ф-284: «Пролетели Имбатское, связался с Туруханском. Экипаж в составе пилота Юренкова С.Г., штурмана-аэросъёмщика Гранкина П.М., бортмеханика Татаринова Г.Ф., бортрадиста Патрина, считается пропавшим без вести».

Последний экипаж пропал в Красноярском крае. А значит, нам ещё предстоит его найти. Где он на бескрайних просторах Севера? Будем искать...

Сшей ты мне, матушка,

Может, потому что я гуманистичный, устойчивой ассоциацией к слову «память» для меня является «память поколений, традиция». Поэтому я несколько не сомневалась, кто должен стать героем номера, посвящённого этой теме, — Елена Геннадьевна ВОПИЛОВА, преподаватель Дивногорской детской школы искусств, народный мастер (это звание), руководитель фольклорно-этнографических ансамблей «Тропинка», «Древо», «Енисеюшка», исполнительница и собирательница сибирского фольклора.

В Красноярске её можно застать по воскресеньям на школе традиционных технологий, где она учит взрослых тому, что умеет сама. Подробный перечень техник, в которых работает Елена Геннадьевна, займёт много места, но не сказать о них нельзя, поэтому перечислю чуть ли не конспективно: она шьёт, вышивает, вяжет, ткёт, занимается бисероплетением, валяем, пирографией (выжигает), росписью по дереву и ткани, точечной росписью по стеклу и керамике, декорированием сосудов, делает обережные кукол, создаёт украшения из холодного фарфора, работает с кожей (кожепластика), камнями, бумагой (пейп-арт и декупаж), моделирует костюмы на основе традиционных. Всё это я видела, была впечатлена. Но более всего меня за душу берёт пение Елены Геннадьевны.

Позже я её спросила, что для неё песня, и она ответила: «Песня — это возможность летать. Одному или всем вместе. Даже если человек не умеет петь, но умеет слышать, он имеет возможность летать с теми, кто поёт».

Однако разговор наш начался не с песен, а с воспоминаний Елены Геннадьевны об Индии. Там она представляла своё мастерство на 30-й Международной ярмарке ремёсел «Сураджкунд». Советник Посольства РФ в Индии письменно поблагодарил Елену Геннадьевну за её уникальные работы, которые «стали подлинным украшением фестиваля и познакомили тысячи индийских гостей с самобытными традициями народного творчества России». Елена Геннадьевна была полна впечатлениями и прежде всего от мастеров, работавших на фестивале:

— Я так благодарна, что увидела, что такое настоящий мастер. Это тот, который работает правильно, качественно, и все его за это уважают. Там были мастера из всех штатов Индии, те, кто тысячу или семьсот лет семьёй работает в той или иной технике. У меня до сих пор эти мастера перед глазами стоят: как люди умеют работать и как их за это правительство любят! Во-первых, обязательно поддерживается своя традиция. Во-вторых, поддерживается семейный институт: семья — это главное! Третье: поддерживается профессия. И какая разница, когда возвращаешься и видишь политику нашего государства.

Там, кстати, нет американской рекламы, нет кока-колы. «Макдональдс» — и тот индийский, со своими пряностями. Там все, даже самые простые люди — те, кто улицы метёт, кто бельё на речке стирает (стиральщики), кто красит (красильщики) — все выглядят

достойно. Потому что они выполняют свою работу честно.

И ещё мне понравились их дети: умные, общительные, умеющие разговаривать на разных языках, открытые. У них ведь какая философия? Они знают, что вот мы встретились и больше никогда не увидимся, поэтому они максимально выкладываются. Они каждый день живут так, как будто он единственный. И тогда есть возможность жить самому и радовать всех окружающих.

— Елена Геннадьевна, вы для меня воплощаете живую мысль о том, что память — это не то, что хранится в сундуках, что ушло, а то, что живёт рядом с человеком. Вы сами эту память сохраняете, вы — хранитель русской материальной и духовной памяти. Что самое ценное вы хотели бы передать? Детям, которых вы учите вместе с коллегами — Ириной Викторовной ЧЕРКАСОВОЙ и Светланой Валерьевной РУМЯНЦЕВОЙ, и взрослым, для которых проводите мастер-классы по всей стране и за её рубежами. Вы ведь точно знаете, что нам надо сохранить из прошлого и что нельзя терять ни в коем случае!

— Надо хранить память о своих родственниках. О том, что они умели делать. И как они ко всему относились.

— Мои деревенские бабушки не умели ни вязать, ни шить, они никаких промыслов не знали, ничего этого не умели.

— Они умели вести хозяйство! Наш быт изменился, он стал городским. Нет деревенского хозяйства — коров, кур и прочего. Но дело ведь не в этом. Не изменилось главное — нужно и в городе вести дом, то есть держать семью в условиях, в которых она может полноценно функционировать как семья. Сейчас женщина уже не держит семью, что собой семья чувствовала семьёй. Института семьи у нас не существует, семья не одобряется, к сожалению, у нас другие времена пошли.

— Но может ли современный городской человек вести себя в соответствии с русской традиционной культурой? Это реально?

— Да, может. Для этого он должен сделать внутри себя усилие и ответить на вопрос: какой он видит традиционную семью нынче? Традиционную семью нынче трудно иметь и трудно содержать. Потому что мир идёт войной на традицию. Во всяком случае у нас. А без традиции народу некуда деваться. Только традиционная семья позволяет сохранить семью и вырастить поколение, которое

сохранит память, материальную и нематериальную, и передаст дальше. Кроме семьи это никто не может сделать. Какую память может передать «шведская» семья или «кришнаитская», когда её создают русские? Это чужой продукт, который упал на подготовленную годами пропаганды почву.

— Да, почва была хорошо удобрена чужими идеями, которые не естественным путём развивали русские традиции, а действовали им наперекор, ломали, отменяли и предлагали своё. И вернуть невозможно.

— Если говорить о том, чтобы вернуть традицию, то надо начинать с образования и воспитания. Трудно сейчас наскоро говорить о том, что конкретно надо изменить в воспитании... Вот нет семьи, нет уважения к старшим. Если бы семья как таковая сохранялась, то дети уважали бы старших. Потому что традиционная семья связывает поколения. Поколения в такой семье между собой общаются, и старшие могут дать внукам понятия о правильном.

— Мне кажется, бабушки слишком молодые, максимум 40-х годов рождения, их понятия о правильном формировалось в трудное для страны время.

— Да, традицию помнит только то поколение, которое родилось в 20-30-е годы. Эти люди, те из них, которые живы, осуществляют эту функцию — жить в традиции. Я знаю их семьи, и в их семьях устроено всё правильно.

А те люди, которые не успели на себя поработать, не успели увидеть свою семью благополучной и в достатке, они уже ничего не могут передать, потому что передать-то нечего. У них была коллективизация, всё отобрали, есть было нечего, одни колыхки-палочки за трудовни, паспорта нет, уехать они не могли.

После войны мужиков повибили. Традиционную мужскую культуру некому стало поддерживать.

— Это грустная сторона истории. Но есть ведь и светлая. Есть фольклорные ансамбли в нашем крае, которые занимаются русской традиционной культурой. Большинство из них, правда, фольклорными назвать нельзя, это ансамбли народной песни, они не воспроизводят народную традицию.

— Они не передают, потому что не находятся внутри процесса. На каком-то конкурсе подошла ко мне тётенька, не знаю, откуда она — не представилась, и сказала: «Как дети у вас красиво поют. Вы по каким нотам это разучивали? Какую делали аранжировку?». Я говорю: «Мы не делали. Дети поют от носителей традиции. Бабушки поют, а дети слушают и делают, как бабушки». А тётенька: «Нет, это неправильно. Мы когда колядку разучиваем, я делаю аранжировку и распиваю на голоса». Я в недоумении: как это — колядку на голоса?

Поэтому ансамблей, которые традиционно поют, у нас в крае не больше двух десятков. Традицию ведь надо правильно воспроизвести. Мы детей в ансамбле сначала воспитываем, а потом учим. Причём вместе с родителями, то есть и родителей, а иногда и бабушек воспитываем, которые как раз вот из этого поколения,

которое ничто традиционного не помнит и росло на советских песнях.

И когда дети понимают, что до них было целое пространство, в котором были сказки, песни, роспись, куклы и костюмы, то многие думают, что они в волшебный мир попали. К нам приходят маленькие и ахают — как красиво! Они слышат, как поют бабушки и спрашивают: «А кто это так хорошо поёт?». И я вижу, что у детей этого возраста, 4-5 лет, ещё всё в порядке, их можно традицией зацепить, потому что им не успели средства массовой информации объяснить, что народный голос — это неприлично. И дети у нас с такого возраста участвуют в традиционных праздниках, учатся готовить традиционную еду дома вместе с родителями, изучают традиционные ремёсла.

Ну и, естественно, у них общение между собой совершенно другое, не как в детском саду или в общеобразовательной школе. Они понимают, что они в ансамбле, они не просто пришли и ушли, а мы должны здесь дружить, потому что мы спеть не сможем хорошо. А петь хорошо можно тогда, когда все сдружились.

Пришли новые дети и петь не могут. Почему? Потому что друг к другу не притёрлись и плохо слышат друг друга. И самого себя плохо ребёнок слышит. Только к концу года появляется ощущение ансамбля. Вот они к концу года запели чисто и в унисон, и вдруг лампочка, которая не горела пять лет, загорелась. Все ахнули, а я говорю: «Так это физическое явление, резонанс случился, и она загорелась». И они были такие гордые. И поняли, что они это все вместе могут! Вот воспитание и получается.

А к воспитанию добавляется и обучение. Через интерес и игру. Не так, как занудная учителька. Все учителя делится на две категории: учителя и учительки. Учительница может и пальчиком погрозить, и обнять, и перед всеми сказать «Какой ты молодец!», и поставить пять с плюсом. А учителька никогда! Она скажет: «Так, ты себя плохо ведёшь, ставлю тебе два». А разве можно ставить два, если ребёнок не туда сел? В традиционной культуре нет понятия «поставлю тебе два, ты ведёшь себя плохо».

— Вы не ругаете своих детей?

— Ругаем.

— Как?

— (вздыхает) Да ругать приходится сказочным образом. Или притчей.

— Больше ругаете или хвалите?

— (не задумываясь) Конечно, хвалю. По-всякому. Пишу большими буквами в дневник «МОЛОДЕЦ», ставлю восклицательный знак, ставлю пять с плюсом, ставлю две пятёрки. Когда человек запел чисто, хвалю перед всеми: «Посмотрите, как у нас Полина запела! Какой у неё изумительный голос!». И Полина расцвела. Или говорю: «Какая у нас Алина красивая, когда она улыбается и поёт с улыбкой!». И Алина забывает, что она всё время стояла с мрачным выражением лица. Надо так похвалить, чтобы он делать захотел то, чего не мог или что у него не получалось.

— Как вы сами пришли к традиционной культуре?

— Пришла очень просто — бытовым путём. У меня дедушка с бабушкой, мамы родители, были исключительно рукодельные. Я помню хорошо себя в три года, я носила за дедом ящик с инструментами, потому что мы строили с ним баню, дровяник и сарай для коровы. Бабушка всё умела руками: и шила, и вязала, никогда не сидела просто так. Когда

русский сарафан

соседка приходила поболтать, бабушка брала в руки вязание. Мама с папой исключительно трудолюбивые люди. И мне всегда тоже хотелось это делать: вязать, как бабушка, хотела деревяшки строгать и картины рисовать, как дедушка.

Я окончила музыкальную школу и стала работать в Дивногорске в музыкальном училище. А потом вышла замуж за Вопилова. А бабушка мне говорила: «Вот какую фамилию получишь, так и жить будешь». И я думала: как это? А потом вдруг поняла, что вот я вышла замуж за Вопилова, и мне страшно захотелось петь. И я стала петь народные песни.

— А откуда вы эти песни брали?

— Вы не поверите — из учебника. Был такой учебник, очень толстый, который назывался «Песни для начальной школы с 1 по 4 класс». И три четверти в нём были народные песни. Их пели и знали все. И мы их пели, все они хорошо известны, это самые популярные русские песни — «Ах, вы сени», «Вставала я ранёшенько», «Во кузнице», про комара. В Дивногорске я стала собирать ребяткишек в фольклорный ансамбль. 2 октября 1988 года пришло 20 человек. И начали мы с тех же песен.

Но мне очень повезло, что в городе был ансамбль бабушек «Сибирячки». Это бабушки тех годов рождения, о которых я говорила, с двадцать девятого по тридцать второй. Они сами организовались в коллектив и пели свои традиционные песни — они приехали из разных районов края, в основном из тех районов, которые попали под затопление ГЭС. Они пели свою традицию. Они пришли к нам в музыкальную школу, потому что им кто-то сказал, что там дети поют народную песню. Они стали к нам приходить, и дети сразу запели на голоса, потому что это были живые исполнители. Дети прислушивались к тем исполнителям, голоса которых им были ближе, разбирали голоса и пели. Нас услышал тогдашний директор Государственного Центра народного творчества Владимир Михайлович КОВАЛЬЧУК и пригласил поучаствовать в фольклорном фестивале и организовать обучение, которое назвал потом «Школа фольклора».

— Ваши «фольклорные» дети, как и вы сами, не только поют, они и руками многое умеют делать.

— Да, потому что я заметила, что нельзя просто петь по нотам и считать, что ты поддерживаешь народную традиционную культуру. Что если ты эту культуру соблюдаешь, то надо знать, в чём люди ходили, как одежду носили, чем подпоясывались. Поэтому когда мы с мужем и всей семьёй стали ездить в экспедиции, мы сразу этим интересовались. Мы помогали хозяйкам поправить забор, прополоть огород, поправить печку, интересовались, какая у них утварь. После этого они понимали, что люди в хозяйстве соображают, тогда уж они нам песни петь начинали.

Поэтому и наши дети в Школе фольклора учились что-то делать руками, и наша вторая специализация, ремесленная, на этом основана. Они делают руками, участвуют в народном театре и к выпуску все поют, овладев традицией совершенно спокойно и естественно. Потому что нематериальное наследие не может быть отдельно от материального, это одно и то же — это жизнь.

— Хочу разобраться в точке пересечения современного, нынешнего, сиюминутного и традиционного, давно существующего.

Зачем нам тот прежний опыт, если всё так изменилось? Нам не надо самим ткать, делать посуду. Можно ли жить в традиции, как вы выражаетесь, живя при этом привычной городской жизнью? Где эта традиция в современной нашей жизни?

— Наши дети, которые прошли Школу фольклора, сейчас уже взрослые, детные, но вспоминая всех их, можно сказать о том, что у них общее. Во-первых, они слышат другого, того, кто находится рядом. Они умеют разговаривать и со старыми и с малыми, умеют находить общий язык. Во-вторых, они знают, что надо всегда тру-

рошить отца, они хорошо понимают своего ребёнка. Они знают, как можно пестовать ребёнка, как с ним заниматься, что ему говорить. Это тоже результат воспитания в традиции. Они умеют собрать людей на праздник и устроить этот праздник. Они уважают старших. Они очень благодарные. В этом смысле традиция даёт понятие, что взрослые — это мудрость, что молодость — это деятельность, что детство — это обучение. Всё выстраивается в одну цепочку. Причём одним только нематериальным эту цепочку не выстроишь.

— Горожан можно вовлечь в традиционную культуру?

— А вы скажите, наше общество соблюдает сейчас традиции? Наше общество, в той части, где мы должны считать себя русскими, стыдится этого. В таком обществе разве можно носить традиционную одежду, гордиться народными песнями? Нас призывают толерантно относиться к другим культурам, а свой традиционный костюм мы не знаем, не любим его. Где можно купить выполненный в традиционной технике костюм? Наша власть не считает, что у нас есть русская традиция.

За годы советской власти было уничтожено ощущение традиционной почвы под ногами. В послевоенные годы ещё плясали кадрили, собирались на гулянья на большие праздники. Даже в 60-е годы, это я прекрасно помню, на каждом школьном празднике танцевали кадрили, играли в «Гори-гори ясно». Я не помню ни одного праздника, чтобы этого не было.

А потом, когда решили пойти в сторону западных веяний, забыли, что с водой можно выплеснуть и ребёнка. Когда приезжаешь в любую страну, даже в европейскую, там на праздник люди совершенно спокойно идут в традиционном костюме. Для них это нормально, им никто не говорит, что этого нельзя делать, им никто этого не запрещал. И начинаешь чувствовать себя ущербным человеком, потому что в нашем государстве носить традиционный костюм было нельзя. Это было запрещено указом Совета министров в конце 20-х годов.

Также было запрещено петь народные песни. И всех руководителей крестьянских народных хоров, которые тогда существовали, сослали на Колыму, в Магадан, на лесоповал. То есть убрали и религию, и традицию. А вместо этого — надо же было заместить чем-то другим! — срочно появились композиторские песни, псевдорусские, на которых и выросло то поколение, которое чуть постарше меня.

— Но были и хорошие авторские песни.

— Были. Но народную традицию запретили! Причём прямо сверху! Планово. Точно так же, как постепенно стали убирать традиционную крестьянскую одежду. В конце 20-х годов уже считалось неприличным носить традиционный костюм — таковы были установки сверху. И мы наступили в очередной раз на грабли: народ, не знающий своих корней, это уже не народ, а масса. И для управления это очень удобная масса...

Наступает недолгое молчание. Мы думаем то ли каждая о своём, то ли об одном и том же. Внезапно фиксирую необычную сочетание, естественно, в речах Елены Геннадьевны и её коллег: «петь традиции», «жить в традиции». Спрашиваю, что такое «традиция» и получаю ответ: «Традиция — это уклад жизни. Это образ жизни, в котором всё выстроено правильно».

Нашу беседу прерывает Иван ПЕТЕЛИН, руководитель фольклорного ансамбля из Бородино. Он принёс сделанные по заказу Елены Геннадьевны гусли, и начинается разговор двух профессионалов о колёсной лире, которую необходимо изготовить для юного Саши ПОНОМАРЕВА, который умеет петь традицию и живёт в традиции.

Пока мне больше добавить нечего. Русская традиция всё ещё существует. И эту мудрость поколений сохраняют люди, которые рядом.

Алевтина СПЕРАНСКАЯ

даться, ниоткуда не упадёт на тебя манна небесная. Они знают, что каждому даётся по трудам его. А это часть традиции. И эти заповеди не выражаются словами, они даются в трудовом обучении.

Когда трудовое обучение уходит из школ, на этом как раз и заканчивается традиция. Потому что не учат ручному труду, а вместе с ним и тому, что делать надо не для того, чтобы другие посмотрели, а для того, чтобы чувствовать себя тем человеком, который ты есть, мастером. Все мальчики, которые занимались у нас, хо-

— Можно, если привести ребёнка в фольклорный ансамбль. Тогда можно будет восстановить разорвавшуюся связь с прежней культурой, которая никуда не делась, просто её не знают. Можно вот так самостоятельно связать эту ниточку, получится узелок, и надо двигаться дальше, интересоваться.

— А ваши «фольклорные» дети могут поддерживать традицию в дальнейшей жизни? Ведь однокурники порой даже не знают, что их друзья или подруги занимаются традиционной русской культурой.

Игры памяти

На недавнем концерте в Красноярске известный сатирик Роман КАРЦЕВ, вспоминая о своём друге и партнёре по сцене Викторе ИЛЬЧЕНКО, сделал неожиданное признание: «Ему всё легко давалось: текст раз прочитал — и запомнил. А мне надо было неделю учить...».

Что лично меня всегда удивляло, так это феноменальная память воспитателей детских садов на имена и фамилии. Вспоминаю, как в школе первый учитель на собрании попросила нас, родителей первоклашек, написать на листочках уменьшительно-ласкательные варианты имён своих детей. В душе я тогда сомневалась — неужели запомнит? А потом случайно в школьном дворе услышала, как наш мудрый педагог позвала «зайку», потом окликнула «рыбку» и поторопила моего «котика». С памятью оказалось всё в порядке.

А вот я, например, зачастую хорошо помню, о чём говорила с человеком, где, когда, как собеседник выглядел, но не могу вспомнить, как зовут. Да здравствует склероз? Хотя многие коллеги рассказывали о себе то же самое. Может быть, всё зависит от специфики профессии и образа жизни?

Правда или вымысел?

Потеря памяти — один из самых излюбленных киношных приёмов. На этой теме завязано множество сюжетных линий. Приём активно используют режиссёры в самых разных жанрах: от боевиков до комедий. Вот лишь некоторые отечественные и зарубежные фильмы на эту тему: «Знахарь», «Вспомнить всё», «Глаза ангела», «Кто я?», «Помни», «Неизвестный», «Цыган»; список можно продолжать...

Научный руководитель службы нейрореабилитации Сибирского клинического центра ФМБА России, заведующий кафедрой нервных болезней Красноярского медицинского университета, профессор Семён Владимирович ПРОКОПЕНКО убеждён, что кинорежиссёры подчас сильно грешат против истины:

— Когда мы видим в кино, что человек напрочь теряет память о прошлом, а потом спокойно живёт дальше, обслуживает себя и ориентируется во времени и пространстве — это очень сомнительно. После сотрясения или травмы головного мозга у пострадавшего может быть ретроградная амнезия, когда он не помнит, какие были обстоятельства травмы или обстоятельства, предшествующие этой травме. У нас в центре лежали пациенты, у которых были сильно расстроены высшие мозговые функции — отсутствовали память, внимание, узнавание, но это тяжёлые люди, инвалиды первой группы. А вовсе не та картинка из кинофильма, когда здоровый человек с полным отсутствием памяти о прошлом прекрасно ориентируется в настоящем. Это очень хороший режиссёрский ход, как в фильме «Цыган», не более. Я таких людей точно не встречал в своей практике. Может быть, их наблюдали психиатры?..

Сюрпризы осени жизни

— Семён Владимирович, правда ли, что участки мозга, отвечаю-

щие за память, до сих пор точно не установлены?

— Почему же? Они известны. Это медиобазальные отделы височной доли, область гиппокампа. При повреждении данных образований, допустим, в результате инсульта или тяжёлой черепно-мозговой травмы, у человека действительно может случиться очень грубое нарушение памяти. Но не менее страшно постепенное снижение памяти в результате диффузного поражения мозга.

— Что вы имеете в виду?

— Здесь два направления. Одно очень активно исследуется за рубежом и касается нейродегенеративного заболевания, когда у пациента какие-то мозговые зоны с возрастом перестают функционировать, потому что уже выработали свой ресурс. Но иногда это происходит раньше, чем положено, то есть человек ещё жив, двигается, физические сохранен, но какие-то клетки мозга перестают работать. Речь в данном случае идёт о болезни Паркинсона, мозжечковой дегенерации и болезни Альцгеймера. В последнем случае кора головного мозга постепенно деградирует, и у человека в первую очередь происходит нарушение высших психических функций. В том числе нарушения памяти.

— Получается, что это заболевание обусловлено возрастом?

— Чем старше пациент, тем больше вероятность развития у него именно корковой нейродегенерации. Поэтому считается, что если человеку более 90 лет, то вероятность заболеть болезнью Альцгеймера у него достигает 70%. Если помните, у экс-президента США Рональда РЕЙГАНА в 83 года врачи обнаружили эту коварную болезнь. На определённой стадии заболевания таких людей даже оставить дома одних нельзя.

В Европе и США продолжительность жизни в настоящее время высока, там много 90-летних больных, а значит, всё больше слабоумных людей, страдающих болезнью Альцгеймера. Она приводит к несостоятельности человека, и поэтому огромные деньги выделяют в этих странах на исследования, методы лечения и помощи таким больным.

— А что касается России?

— Раньше у нас болезнь Альцгеймера выявляли не часто, но ведь и продолжительность жизни составляла в среднем всего 59-60 лет, многие наши соотечественники попросту не доживали до этой болезни. Сейчас ситуация меняется, продолжительность жизни реально растёт.

Факторы риска

— Нарушение высших мозговых функций может возникнуть и при хронической недостаточности мозгового кровообращения.

Когда у человека есть не леченые или плохо леченые заболевания: гипертоническая болезнь, атеросклероз, сахарный диабет, мерцательная аритмия и т.д., то всё это факторы риска. К сожалению, перечисленные заболевания очень распространены среди нашего населения и не имеют болевого синдрома.

— Понятно. Когда у людей нет боли, они не бегут сломя голову к врачу...

— Вышеназванные факторы подспудно способствуют тому, что у человека возникают симптомы хронической недостаточности мозгового кровообращения, а это приводит к двум основным проявлениям: нарушению высших мозговых функций (в том числе памяти) и нарушению равновесия. Таких пациентов много в нашем центре. И уж если мы говорим о нарушениях памяти, то здесь на повестку дня — вопрос качества жизни.

— А как же профилактика?

— Конечно, нужно регулярно принимать препараты от давления и от других заболеваний, относящихся к факторам риска. Однако считается, что первые доклинические признаки болезни Альцгеймера имеются у человека за 10-15 лет до того, как появились начальные симптомы болезни.

— Вот живёшь себе спокойно, вроде бы хорошо себя чувствуешь, а у тебя уже развивается заболевание?

— Вот именно, что само по себе и страшно. Человек не знает об этом, и экспресс-метода диагностики болезни нет. Но в мозгу, и это доказано, уже происходит изменение клеток. И никто не знает, что через 15 лет он станет слабоумным. Доступных в общеклинической практике биохимических тестов, которые быстро показали бы имеющееся подозрение на болезнь Альцгеймера, не существует. Когда появляются первые симптомы заболевания — это сигнал нам, врачам, что пора действовать, назначать препараты, способные тормозить прогрессирование болезни.

— И какие это симптомы?

— Нарушение памяти, узнавания. Человек может войти в ступор, потеряться даже в ранее знакомом ему районе, если там построили какой-то новый объект. Или, скажем, изменилась погода — человек может выйти на знакомую улицу и тотчас же заблудиться. Самое интересное, что, как правило, такие пациенты никогда не считают, что они потерялись. В 100 процентах случаев они в подобной ситуации говорят об одном и том же: я стал хуже видеть, мне надо другие очки. Человек не понимает, что он не может УЗНАТЬ, ему кажется, что он не может РАЗГЛЯДЕТЬ.

Либо у больного может нарушаться память на лица — он перестает узнавать знакомых, у него может исчезать память на многие вещи. В архиве нашего центра хранятся уникальные видеозаписи. Нейропсихолог беседует с женщиной, у которой выявлена ранняя болезнь Альцгеймера. Пациентке чуть за 60 лет, она прекрасно выглядит, нет никаких парезов, параличей. Если выключить звук их беседы, то кажется, что эта женщина решает невероятно сложные задачи. Она принимает задум-

чивые позы, жестикулирует, закатывает глаза. Потом вы включаете звук, и становится страшно, потому что на самом деле она вспоминает, как её зовут, сколько ей лет, свой домашний адрес или сколько у неё детей. А внешне движения кажутся абсолютно нормальными.

Как обмануть природу

— Можно ли потерю памяти как-то предотвратить? Или это наследственное?

— Вообще-то это сбой в работе гена. Но не обязательно болезнь передаётся по наследству, хотя есть определённый риск. Генный сбой может произойти у человека в процессе жизни. Что касается диагностики, то Красноярску повезло, совсем недавно в городе на территории краевого онкологического центра на Смоленской появилась уникальная позитронно-эмиссионный томограф. Теперь с его помощью можно оценить метаболизм клеток мозга и на очень ранних стадиях выявлять предвестники болезни Альцгеймера. Столь ранней доклинической диагностики заболеваний мозга занимается всего два центра в России. Специалисты этого центра, являющегося структурным подразделением ФБГУЗ «СКЦ ФМБА» России, освоили диагностику заболеваний центральной нервной системы, что далеко не во всех ПЭТ-центрах возможно. Буквально на днях мы анализировали первые результаты, и я уверен, что за этим комплексом — большое будущее для диагностики нейродегенеративных заболеваний среди населения нашего края в первую очередь.

— Есть мнение, что люди интеллектуального труда реже болеют болезнью Альцгеймера, чем те, кто занимается физической работой...

— Это и так, и не совсем так. Наши российские учёные предложили интересное объяснение. Доказано, что фазы «нервные клетки не восстанавливаются» не состоятельны. На самом деле, нервные клетки образуются постоянно, причём довольно активно в случае, если человек получает какое-то мозговое повреждение — травму головы или инсульт. Другое дело, что эти клетки не дифференцированы, они не могут заменить погибшие. Но точно известно, что в результате тренировок, специальных занятий может увеличиваться не количество мозговых клеток, а количество связей между ними. Чем больше давать когнитивную нагрузку, тем больше этих связей и сетей.

Если человек занимается интеллектуальным трудом, и ему постоянно нужно тренировать свою память и высшие мозговые функции, значит, у него и нейронных связей много. Болезнь Альцгеймера развивается исподволь, постепенно, и проявляет её симптомы, когда какое-то критическое количество мозгового вещества, грубо говоря, выключено из работы. У людей, занятых интеллектуальным трудом, такого вещества больше в мозге, и поэтому нужен больший уровень поражения. Поэтому часть людей интеллектуального труда не доживает до клинических проявлений болезни Альцгеймера. Если человек не тренирует свой мозг, то увеличивается риск клинических проявлений какого-то мозгового повреждения в более раннем возрасте.

— Как вы относитесь к высказыванию «ресурсы памяти безграничны»?

— На самом деле никто не знает ресурсов памяти. Я больше склоняюсь к тому, что каждому человеку бог дал свои возможности запоминания, и их надо, во-первых, беречь, а во-вторых — постоянно тренировать. Кстати, психиатры подметили, что у некоторых пациентов на фоне заболевания память не страдает, и они способны запоминать большой объём информации...

«Умный дом» наоборот

Чтобы тренировать память и другие когнитивные способности, на кафедре нервных болезней на базе центра реабилитации СКЦ ФМБА России уже около года используется экспериментальная разработка, выполненная сотрудниками кафедры физики КрасГМУ (заведующий д.ф.-м.н. Владимир САЛМИН).

— В лаборатории медицинского университета есть мышцы с болезнью Альцгеймера (они специально выводятся и очень дорого стоят), — продолжает профессор Прокопенко. — Наши учёные-фундаменталисты подтвердили, что только те животные, которым постоянно дают задания, и они их выполняют — более работоспособны.

При помощи физиков университета мы оборудовали так называемый умный дом наоборот. Что это значит? Вы, наверное, знаете, что есть система «Умный дом», которая управляет большим, с учётом того, что у него нарушены мозговые функции. Например, нужно такого пациента оставить одного, но опасно. А «умный дом», что бы такой человек ни натворил, погасит последствие. Например, больной включил газ (повернул кран и даже не зажёл) — горелка сама выключится. Или он заходит в комнату — свет загорается, а выходит — гаснет. Через какое-то время перед носом появляется коробка с таблетками, они противно пищат до тех пор, пока человек их не выпьет.

Мы же избрали другой подход: не «потакать» нарушениям, а наоборот, тренировать мозг. В нашем «умном доме наоборот» человек с когнитивными расстройствами заходит в специальную комнату, а дверь за ним закрывается и блокируется. Дальше он может сделать всё что угодно: вскипятить чайник, включить компьютер, фен, телевизор, радио — но приборы заработают только после того, как он решит какую-то когнитивную задачу. Вот он ответил на вопрос в компьютере — и сразу же заработал телевизор. Самое интересное, что и выйти из кабинета «гость» не сможет до тех пор, пока не решит какое-то задание, после чего дверь откроется.

Занятия в этой комнате проходят под контролем невролога — нейрпсихолога Анны БЕЗДЕНЕЖНЫХ (это тема её научного исследования). Забавно, но как только мы открыли этот кабинет, туда первыми вошли наши коллеги, врачи. Они очень перепугались, потому что не смогли сразу решить задачу, следовательно, программа не сработала и дверь не открывалась. Была даже лёгкая паника...

Практика и эксперименты на мышках и крысах говорят о том, что если организму с нарушениями высших мозговых функций давать когнитивную нагрузку, то можно получить очень хорошие результаты. Эффективность компьютерного когнитивного тренинга у больных после инсульта в раннем восстановительном и

остром периоде уже доказана. Сейчас предстоит проверить гипотезу и сравнить эффективность оригинальных компьютерных нейрпсихологических программ с обычными развлекательными компьютерными играми для тренинга наших пациентов.

Виды памяти

— Семён Владимирович, встречались ли вам люди с фотографической памятью?

— Я встречал людей, у которых очень хорошая память. Им достаточно просмотреть текст один раз, и они готовы его пересказать очень подробно. Но сам я к таким не отношусь, к сожалению, поэтому мне приходится достаточно много готовиться к лекциям.

— Есть мнение, что наша память — это не хранилище чётких данных, а постоянно обновляющиеся фантазии...

— Существуют несколько видов памяти: кратковременная, непосредственная (вот мы с вами поговорили, обменялись телефонами, и если я спрошу вас о чём-то, то через три секунды вы об этом ещё вспомните, а через 5 минут уже нет). Есть память более долговременная и та, что уходит корнями в детство. Совершенно разные механизмы хранения информации. Оживляются какие-то воспоминания могут не произвольно, а в ответ на какие-то внешние воздействия. Например, человек идёт, вдруг почувствовал запах, к примеру, черёмухи, и тут же окунулся в какое-то десятилетнее событие, с которым был ассоциирован этот запах.

У пожилых людей память строится по определённым законам — они прекрасно помнят события 20-50-летней давности, а оперативная память страдает. Объясняются особенности памяти её разными нейробиологическими и био механизмами. У человека чаще всего страдает именно кратковременная память.

— Семён Владимирович, учёные сетуют, что до сих пор не известен алгоритм фиксации прошлого...

— Учёные пытаются подобрать к этому вопросу и с точки зрения биохимии, и с точки зрения теории нейрофизиологии, и даже теории физики.

Допустим, известна теория, что в некоторых отделах мозга циркулирует возбуждение, и пока клетки возбуждены — это и есть память. Существует такое понятие, как «акцептор действия» (ещё в 50-е годы была выдвинута данная гипотеза), кстати, известной нейрофизиологу, академик К.В. СУДАКОВ (недавно ушедший из жизни), эту гипотезу подтверждает. Суть в том, что если человек что-то запланировал, то у него возникает ощущение, что это должно получиться. И когда запланированное выполнилось, совершается биохимическая реакция, и как результат этой реакции — память.

Должен сказать, что всё это лишь попытки объяснить, как работает мозг, описав некие алгоритмы. Но пока сверхдоказанной и целостной теории памяти, где бы каждый шаг был прописан, к сожалению, нет.

Зарядка для мозга

— После того что я узнала, захотелось не дожидаться, пока рак на горе свистнет, а заранее начать тренировать свой мозг. Что посоветуете? Кроссворды?

— Кроссворды — это самое простое, они тоже полезны. Но есть и более сложные и эффективные способы. Этой теме у нас на кафедре посвящено несколько научных работ. Специально созданы тренировочные компьютерные игры, которые достаточно просты, но каждая направлена на тренировку отдельной когнитивной функции. Одна — на внимание, другая — на память, третья — на переключаемость, четвёртая — на мышление. Игры записаны на дисках, мы апробировали их в центре реабилитации СКЦ ФМБА для лечения людей, имеющих нарушения памяти, и получили потрясающие результаты. Как оказалось, эффективность восстановления функций в этой ситуации гораздо лучше, чем если бы мы

использовали мощные лекарственные препараты.

Сейчас в рамках совместной научной работы учёные клинического центра и медуниверситета планируют организовать площадку не только для больных, но и для всех желающих тренировать две основные функции: память и равновесие. Обе указанные функции являются результатом интегративной деятельности мозга. Задумывая этот проект, мы вдруг поняли, что для работы с больными людьми у нас есть полный набор: приспособления, очень дорогие аппараты, уникальные авторские разработки наших учёных. А вот для обычных горожан, кто в целях профилактики хотел бы пройти подобные тренинги, не предусмотрено НИЧЕГО.

Согласитесь, когда к нам обращается 70-летний человек, то мы должны ему предложить одни игры и методы коррекции, а если приходит, допустим, 45-летний, тут уж надо придумать какую-то когнитивную забаву на грани возможного, вплоть до того, что пригласить мастера ушу или йоги, который будет заниматься с ним тренировками равновесия. Вот такой у нас план действий на самое ближайшее время!

Вера КИРИЧЕНКО

P.S. Уходя из центра, я не удержалась и решила пройти тест в «умной комнате наоборот». Что именно хочу включить? Чайник. Задание на первый взгляд кажется очень лёгким: всего-то и надо, что установить правильное время на виртуальном циферблате. А по-научному — это тренировка оптико-пространственных представлений. Со второй попытки установила — компьютер усталов «хорошо», и чайник закипел...

«Красноярск равнодушен к своей

Доклад о «Памятниках, историческом наследии и социокультурных особенностях Красноярья» историк Владимир ДАЦЫШЕН представил на одном из Сибирских исторических форумов. Учёный утверждает, что красноярцы относятся и к своим историческим деятелям, как и ко всему своему историческому прошлому, мягко говоря, равнодушно. Не знают, не помнят, не хранят.

Чем это обусловлено? Тем, что Красноярск долгие годы развивался как промышленный центр, и всё было подчинено задачам утилитарным? Тем, что здесь была построена крупнейшая ГЭС, затопившая такое количество окружающих поселений и памятников, что печальтесь о точечных объектах уже казалось излишним? Ответ читатель может сформулировать сам, а в материале учёного — только сухие факты и имена, которые где-то на скрижалях коллективной памяти горожан всё-таки должны быть увековечены.

По пальцам перечесть

Специфика каждого региона отражена в отношении местного общества к своей истории. А исторический фактор, как известно, во многом определяет современные процессы развития.

Наиболее ярким и зримым проявлением отношения к истории являются памятники известным землякам — выдающимся историческим личностям. Сколько же памятников уроженцам Красноярского края сегодня украшают улицы краевого центра?

В путеводителе «Памятники культурного наследия в историческом центре Красноярска», где оговаривается, что указаны лишь «объекты культурного и исторического наследия», — следующие персональные памятники: три памятника Василию СУРИКОВУ, памятники Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОМУ и архиепископу Луке (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОМУ).

В нашем городе есть также памятники ещё трём прославленным Красноярск нашим землякам — художнику А.Г. ПОЗДЕЕВУ, писателю В.П. АСТАФЬЕВУ и Герою Советского Союза А.В. ВОДЯНИКОВУ (во дворе Центрального РОВД). Был ещё памятник К.У. ЧЕРНЕНКО, но его убрали из Красноярска. Итого в городе с миллионным населением и четырёхвековой историей есть памятники лишь одному уроженцу города и ещё трём уроженцам края, столицей которого является Красноярск.

Раз уж красноярцы не хотят помнить своего земляка К.У. Черненко, единственного сибиряка, ставшего главой государства, то не удивительно, что в Красноярске нет памятников красноярцам, возглавлявшим губернию, епархию, городскую управу...

Сегодня мало кто знает о бывшем красноярском гимназисте и главе Сибирского Правительства Петре Васильевиче ВОЛОГОДСКОМ. А он был вторым и последним в истории человеком, удостоившимся звания почётного гражданина Сибири. Да и первый общепризнанный почётный гражданин Сибири — Г.Н. ПОТАНИН — был когда-то почётным гражданином Красноярска. Что красноярская общественность знает о нём?

Возвращаясь к П.В. Вологодскому: многие факты биографии этого красноярца удивительно напоминают жизненный путь самого известного политического деятеля России прошлого века. В 1887 г. Вологодского исключили за революционную деятельность с юридического факультета Санкт-Петербургского университета, но в 1892 г. он экстерном сдал экзамены уже в Харьковском университете. Затем, работая юристом, спас немало известных общественных деятелей, например, председателя Совета рабочих депутатов Красноярского железнодорожных мастерских.

Не просто не известен широкой красноярской общественности, но даже не попал в «Енисейский энциклопедический словарь» Николай Николаевич КОЗЬМИН, чья биография просто уникальна. Красноярцем по рождению, он по окончании столичного университета вернулся на родину и дорос до главы края. При этом был известен и как крупный учёный, стал одним из первых профессоров второго в Сибири университета — Иркутского. Вынужденный эмигрировать после победы советской власти, Козьмин при первой же возможности вернулся в родную Сибирь, оставил нам около сотни опубликованных работ.

Вообще, за несколько веков только два уроженца Приенисейского края стали главами нашего региона. Другим красноярцем, возглавившим Енисейскую губернию, стал Иван Иванович КРАФТ, о котором также не упоминается в давним-давно вышедшем и больше не переизданном «Енисейском энциклопедическом словаре». А вот в Якутске есть памятник Крафту, но там даже не подзревают, что он был красноярцем. Вообще, в Красноярске до настоящего времени не появилось ни одного памятника ни одному главе собственного региона, если не считать за такового Андрея Дубенского.

То же можно сказать и о лидерах духовных. Хотя в некоторых исследованиях утверждается, что уроженец Восточной Сибири на кафедры сибирских епархий не назначали, вторым по счёту главой Енисейской и Красноярской епархий был как раз уроженец Енисейского округа епископ Павел (ПОПОВ). Начав священническую службу на самой границе с Китаем, он вернулся в Красноярск. Нёс службу в разных епархиях от берегов Енисея до Аляски: стал первым епископом Якутским, рукоположил первых японцев во священнослужители, освятил первую православную церковь в Соединённых Штатах Америки, а похоронен на берегу Амура. Разумеется, не только не стоит речь об установлении ему памятника, но до сих пор нет ни одной обобщающей научной публикации, посвящённой его личности.

Первый губернатор и другие

Ярким примером социокультурных особенностей Красноярска является история с предполагаемым памятником в связи с 80-летним юбилеем края. По поручению властей во время проведения Сибирского исторического форума в декабре 2013 г. научная общественность обсудила вопрос о памятнике. Учёные дали заключение, что в первую очередь городу необходим памятник первому губернатору Енисейской губернии А.П. СТЕПАНОВУ. Да и трудно найти лучший символ краю — воспитанник пансиона ломоносовского Москов-

Архиепископ Пекинский и Китайский Иннокентий (Фигуровский) на фоне церкви Всех Святых китайских мучеников

ского университета, офицер штаба А.В. СУВОРОВА, участник Отечественной войны 1812 года, учёный и писатель, автор знаменитого, отмеченного многими наградами научного труда «Описание Енисейской губернии». Но в 2014 г. власти объявили, что красноярская общественность настаивает на первоочередном сооружении памятника отнюдь не А.П. Степанову, а руководителю ансамбля танца Сибири М.С. ГОДЕНКО — тоже, конечно, человеку уважаемому.

Ещё один интересный пример социокультурных особенностей Красноярска. У нас есть улица Матросова, где установлен памятник Александру МАТРОСОВУ, при том что были красноярцы, совершившие такой же подвиг. Некоторое время на улице Матросова висел плакат, сообщавший, что подвиг А. Матросова повторил Михаил ЮШКОВ, потомок первых красноярцев — казаков Юшковых. Плакат вскоре закрыли рекламой банка. Есть у нас памятники и другим Героям Советского Союза, не связанным с историей нашего края (например, В.П. МИРОШНИЧЕНКО), но лишь один бюст герою — уроженцу Красноярского края, названному выше Водяникову.

Общезвестно, что наряду с В.И. Суриковым на улицах Красноярска в памятниках широко представлен В.И. ЛЕНИН. В нашем крае и во всём мире хорошо знают, что здесь он находился в ссылке, о чём постоянно напоминают общественности. Иногда в справочниках ещё отмечают: «Много работал в библиотеке купца коллекционера-библиофила Г.В. ЮДИНА»; «В городе Ленин... подбирал материалы для работы». Но почему нигде прямо не говорится, что именно в Красноярске, именно в Енисейской губернии, по большей части на собранных в красноярских библиотеках материалах будущий основатель советского государства написал свой главный научный труд «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности»? Именно написанный в Енисейской губернии труд сделал его авторитетным для всего мира учёным и политиком. В этой ситуации коренным образом изменилось бы восприятие социокультурного пространства — из окраины, куда ссылают, где отсиживаются, регион становится важным центром, где создаётся будущее. Следует добавить, что не царское правительство определило Енисейскую губернию местом ссылки для В.И. Ленина, а сделал это выдающийся красно-

ярец, врач и общественный деятель В.М. КРУТОВСКИЙ. Можно отметить, что давно озвученный план сооружения в Красноярске памятника одному из знаковых личностей города и края Владимиру Михайловичу Крутовскому также благополучно забыт.

Что-то шлягеры в почёте

В Красноярске отсутствуют монументы и памятники, посвящённые многим важнейшим для красноярцев историческим событиям. Конечно, имеются мемориалы, посвящённые Великой Отечественной войне и военным-афганцам, но никогда даже не поднимался вопрос о сооружении мемориалов в память красноярцев, погибших в Русско-японской, в Первой мировой, в других многочисленных войнах и военных конфликтах на восточных и западных границах России. А ведь красноярцы воевали и раньше. А в XVII в. сам Красноярск дважды осаждался войсками Джунгарского ханства. Именно енисейские казаки обороняли Амур в XVII в., в середине XIX в. красноярский предприниматель КУЗНЕЦОВ профинансировал возвращение Амура России. Именно красноярцы организовали и обеспечили вхождение в XX в. Тувы в состав России, неоднократно вступая в противостояние с Санкт-Петербургом и Москвой.

В революционном XX в. были популярны памятники народным движениям и восстаниям, но хорошо известные «красноярские шатости» так и не были увековечены в камне и бронзе. В советскую эпоху местные власти в Красноярске наводнили город памятниками вождям революции, но так и не рискнули установить ни одного памятника региональным лидерам. А масштабы личности А.Д. КРАВЧЕНКО и П.Е. ШЕТИНКИНА не уступают никому из известных народных вождей революционной эпохи. Сегодня вроде бы вспомнили имена репрессированных «лидеров-символов» бурных 1930-х, но так и не появилось памятников ни первым руководителям образованного 80 лет назад Красноярского края И.И. РЕШКОВУ и П.Д. АКУЛИНУШКИНУ, ни «основателю» Правобережного Красноярска А.П. СУББОТИНУ.

Современные границы России в Азии были «нарисованы» трудами таких красноярцев, как П.И. КУЗНЕЦОВ и И.Г. САФЬЯНОВ, и где как не в Красноярске должны стоять памятники этим выдающимся личностям, занимающим достойное место среди «отцов-основателей» современной

истории». Доказательства?..

России. Если говорить о трагической истории нашей страны первой половины XX в., то памятник епископу Красноярскому Амфилохию (СКВОРЦОВУ) мог бы стать настоящим символом эпохи. Между тем на месте, где должен был появиться памятник А.П. Субботину, поставили памятник Бременским музыкантам, на месте памятника А.П. Степанову — памятник Н.П. РЕЗАНОВУ.

Научное донкихотство

Создание в Красноярске федерального университета должно, казалось бы, усилить интерес общественности к историческому прошлому науки и образования в Приенисейском крае. Очень долго представляли старых университетских центров в Сибири — Томска, Иркутска, Новосибирска недоумевали, почему именно в Красноярске создан новый университетский центр. И здесь можно было бы опереться в том числе на авторитет известных красноярцев, бывших в предыдущие эпохи в числе лидеров отечественной науки и образования. Обсуждалась даже идея создания в университетском городке аллеи с бюстами известных учёных. Однако эта идея так и не получила широкой огласки и поддержки общественности. И если средства массовой информации и будоражили общественность идеей памятника в Красноярске учёному, то говорили только о М.В. Ломоносове. А ведь в Приенисейском крае работали многие первые российские академики — основоположник научного изучения Сибири Д.Г. МЕССЕР-ШМИДТ, «отец сибирской истории» Г.Ф. МИЛЛЕР, первооткрыватель первого метеорита П.С. ПАЛАС и другие. Во всём мире знают, что в XVIII в. российская академическая наука получила мировую известность благодаря многочисленным открытиям, сделанным на берегах Енисея, отсюда берёт начало мировая метеоритика и российская археология. Но Красноярская научная общественность признаёт только М.В. Ломоносова.

В начале XIX в. в Красноярске многие годы жил и работал член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук Г.И. СПАССКИЙ. Красноярские власти увековечили память этого одного из самых известных российских учёных и общественных деятелей, но вряд ли улица его имени на окраине Октябрьского района, где расположены частные дома, окажет влияние на развитие социокультурной среды Красноярска.

В Красноярской гимназии закончил свой жизненный путь самый талантливый Китаевед второй половины XIX в. Н.И. МОНАСТЫРЁВ и начал свой путь в большую науку один из основателей мировой тюркологии Н.Ф. КАТАНОВ. Но памятник Катанову стоит в Абакане, улица Катанова — в центре Казани, а в Красноярске — ничего. В здании гимназии расположен один из учебных корпусов СФУ. Что знает красноярская общественность про академиков П.Н. КРЬЛЮВА и А.А. БАЛАНДИНА, профессоров В.П. КОСОВАНОВА, В.Д. КУДРЯВЦЕВА, Е.Р. ШНЕЙДЕРА выдающихся учёных и педагогов А.С. ЕЛЕНЕВА и И.Т. САВЕНКОВА?

Признаем, в Красноярске всегда было своеобразное отношение к людям науки. В протоколе заседания президиума Енисейского губернского комитета РКП(б) от 14 августа 1923 г. говорилось: «Материальное положение работников просвещения крайне скверное, как результат этого наблю-

дается их массовое бегство...». В составленной в феврале 1944 г. справке о состоянии научно-исследовательской работы в вузах края говорилось: «...среди научных работников настроение неудовлетворённости условиями работы в Красноярске и стремление при первой возможности уехать отсюда. Эти настроения подогреваются эвакуировавшимися из Красноярска специалистами, сравнивающими в своих письмах отношение к работникам науки в Красноярске с отношением, имеющим место в других краях и областях Союза, к профессорско-преподавательскому персоналу вузов».

Ярким примером такого отношения является судьба приехавшего в 1944 г. в Красноярск Э.Р. РЫГДЫЛОНА. Этот энциклопедически образованный человек был единственным за всю историю Красноярска учёным, который знал китайский, читал средневековые монгольские тексты и переводил енисейскую рунику. Именно он стал основателем первой в Красноярске кафедры всеобщей истории, возобновил после многолетнего перерыва археологические исследования в крае. Триумфальная защита кандидатской диссертации Э.Р. Рыгдылона состоялась в мае 1946 г., отмечали защиту на квартире Анны АХМАТОВОЙ. Как написал его ученик В.В. СВИНИН: «С триумфом возвращался Э.Р. Рыгдылон в Красно-

Памятник одному из основателей мировой тюркологии, нашему земляку Н. Катанову, есть в Казани

ярск... Его сократили с октября 1947 г. Красноярскому пединституту он был не нужен...».

Вероятно, Рыгдылона, как и ряд других историков, выгнали из Красноярска за то, что они не включились в кампанию «обсуждения научных трудов» советского вождя И.В. СТАЛИНА. Но это не повод и сегодня замалчивать имя учёного, связавшего на несколько лет наш край с мировой наукой.

Конечно, речь не идёт о том, чтобы заслуги каждого учёного были увековечены персональным памятником. Важно, чтобы «историческое лицо науки» в Красноярске не ограничивалось лишь одним памятником одному академику. Кроме того, памятник в общественном сознании ассоциируется с подвигом. Нет памятников — значит, среди красноярцев не было и героев. На самом же деле среди известных учёных-красноярцев были и те, чья жизнь явилась примером научного подвига.

Сибирские подвижники

Ведущий российский синолог А.И. КОБЗЕВ пишет: «крупнейшим в России и на Западе стал двухтомный «Полный китайско-русский словарь» (Пекин, 1909) под ред. епископа Иннокентия (И.А. ФИГУРОВСКОГО)... Подобный «мировой рекорд» был повторён 4-томным «Большим китайско-русским словарем» (М., 1983-1984) под ред. И.М. Ошанина). Речь идёт об уроженце Енисейского округа и воспитаннике Красноярского духовного училища Иване Аполлоновиче Фигуровском. Прежде чем создать самый большой в мире китайско-русский словарь, для повторения которого советской науке понадобилось 70 лет, этот красноярец пешком пришёл из Верхнего Кужебара в Санкт-Петербург и добился специального распоряжения императора Александра III о приёме в духовную семинарию. Духотворный великан-сибиряк вошёл в историю не только своим непревзойдённым китайским словарём, созданием Китайской православной церкви и вошедшего в «Книгу рекордов Гиннеса» посольства Российской Федерации в Пекине (наша дипломатия там — самая большая по площади в мире). Митрополит Иннокентий Пекинский в первой трети XX в. стал символом борьбы за сохранение традиционного православного русского общества.

Вместо памятника основателю правобережья стоит скульптура «Бременские музыканты»

Недавно исполнилось сто лет со дня рождения И.И. ПОТЕХИНА. В некрологе, опубликованном полвека назад в главном академическом востоковедном журнале СССР «Народы Азии и Африки», говорилось: «17 сентября 1964 г. на 61 году жизни скончался один из известных исследователей Африки доктор исторических наук, профессор Иван Изосимович Потехин. С его именем связаны зарождение и развитие советской африканистики, получившей признание мировой научной общественности. Он был инициатором создания и первым директором Института Африки Академии наук СССР». Иван Потехин родился в селе Кривошеино Новосёловского района Красноярского края в семье крестьянина, принадлежал к старожильческой сибирской (чалдонской) фамилии, жившей на берегах Енисея с XVII века. Основатель Института Африки не только рождением, но становлением обязан нашему краю. Важной вехой его пути была

Енисейская губернская советско-партийная школа в Красноярске, в которой И.И. Потехин учился в 1922-1923 гг. Во всех списках курсантов в начале 1923 г. его фамилия стоит первой из 144 человек. Став столичным учёным, Иван Изосимович никогда не порывал со своей малой родиной, где жили его родители и многочисленная родня.

И.И. Потехин — яркий пример продвижения учёного, вышедшего из красноярской деревни и создавшего новый научно-исследовательский институт в Академии наук СССР. В середине XX в. его научными трудами было подготовлено «мирное завоевание» Чёрного континента. А как только колониальные границы дали трещины, он первым, несмотря на смертельную опасность, выехал в новые страны. Заразившись в Африке неизлечимой вирусной болезнью, потомок енисейских казаков, уже будучи парализованным, в последние дни своей земной жизни диктовал свою последнюю монографию.

Мы видим: красноярцы дали много примеров гражданского мужества и героизма, в том числе в науке. Но этот потенциал крайне слабо используется местным обществом для своего развития. Сегодня на улицах Красноярска больше памятников античным богам, чем красноярцам.

А воз и ныне там

Как особенность социокультурного развития региона можно отметить и инертность, консерватизм. Например, к 350-летию Красноярска была подготовлена книга «Красноярск и красноярцы». Это было официальное издание, редколлегию возглавляли первый секретарь горкома КПСС и председатель горисполкома. Книга начиналась с базовых тезисов о Красноярске: «стоит на пересечении великой сибирской железнодорожной магистрали и многоводного Енисея; город, где бывал Владимир Ильич Ленин; оплот большевиков в годы борьбы за Советскую власть в Сибири; родина великого русского художника Василия Сурикова; самый крупный индустриальный город Восточной Сибири...». Прошло почти полвека, сменилось несколько эпох в истории страны, но Красноярск так и остался городом Ленина и Сурикова: памятников этим двум личностям в городе больше, чем всем остальным историческим деятелям вместе взятых.

Ситуация, когда местные власти и элита стараются не акцентировать внимание на историческом прошлом своего региона, имеет давние корни. Историк С.Г. КОМАРИШИН в одной из публикаций привёл интересный пример: в начале 1930-х гг. руководство Красноярска подвергло репрессиям за то, что в 300-летний юбилей города попыталось обратить внимание общественности на историю города. Возможно, в начале XXI века глава Красноярска и не знал печальную судьбу своего предшественника, рискнувшего в конце 1920-х гг. переименовать улицу Парижской Коммуны в улицу Андрея Дубенского, но инстинктивно поставил памятник не основателю Енисейской губернии, а герою, известному в нашем обществе благодаря рок-опере. Почти полное отсутствие памятников красноярцам на улицах города отражает не просто опасливое отношение к своему прошлому, но указывает на ответственность за своё будущее.

В.Г. ДАЦЫШЕН,
Гуманитарный институт СФУ

Сограждане рядом

Живём мы в Красноярске, миллионном городе, расположенном в красивейшем месте — Красноярском урочище. Мало кто знает, что изначально он имел ещё более красивое название — Город Красного берега. Не столько из-за красной глины на Покровской горе, сколько благодаря необычайно красивым изумрудным Саянам и могучему Енисею.

И люди под стать своему городу всё время стремились не просто строить, но и украшать его. В том числе многоговорящими памятниками и создающими настроение скульптурами.

← История создания монументов в Красноярске ведёт начало от 1919 года, когда был создан **Монумент на братской могиле расстрелянных колчаковцами в 1919 году** на ул. Дудинской, 14. Это самый старый из ныне существующих памятников Красноярска, установленный в 1920 году.

← **Памятник Андрею Дубенскому** — на Покровской горе.

Скульптор Владимир ГИРИЧ и архитектор Михаил МЕРКУЛОВ вознесли основателя нашего города и первого воеводу на высокий берег, откуда он наблюдает за своими потомками, которые обживают эти дивные места.

↑ **Мемориал Победы** — на Площади Победы, ул. Дудинская, 2 а.

Автор проекта — заслуженный архитектор России Артём Саркисович ДЕМИРХАНОВ. Мемориал построен на месте захоронения умерших от ран бойцов Красной Армии, перечисленных поименно.

→ **Мемориал «Воинам-интернационалистам»** на Покровской горе.

Скульптор Борис МУСАТ, архитектор Сергей ГЕРАЩЕНКО. Первый памятник был создан на народные деньги в 1994 году, в 2005 году памятник реконструировали, добавили боевую машину и мемориальные плиты с именами красноярцев, погибших в Афганистане и других горячих точках.

↗ **Памятник «Детям войны»** в сквере на перекрёстке пр. Мира и ул. Парижской Коммуны.

Скульптор Константин ЗИНИЧ, архитектор Андрей КАСАТКИН.

Монумент, установленный в основном на деньгах красноярцев и по инициативе красноярских блокадников — людей, по тем или иным причинам не вернувшихся в Ленинград из эвакуации.

Память самых знаменитых наших земляков также увековечена

→ **Памятник Виктору Астафьеву** на площади Согласия на Стрелке. Скульптор Игорь ЛИНЕВИЧ-ЯВОРСКИЙ (г. Москва) запечатлел мощную личность сибирского писателя, при жизни названного классиком — автора «Царь-рыбы», романов «Прокляты и убиты», «Печальный детектив» и многих других произведений, особенно близких сердцу читателей-сибиряков.

→→ В определённом смысле Астафьеву посвящена и **скульптура Царь-рыбы** на смотровой площадке по дороге в Дивногорск.

Автор своеобразной скульптурной композиции — красноярский предприниматель Евгений ПАЩЕНКО увековечил самую известную книгу нашего земляка.

↘ **Памятник Андрею Поздееву** на ул. Мира, 85.

Авторы — архитектор Михаил МЕРКУЛОВ и скульптор Юрий ЗЛОТЯ.

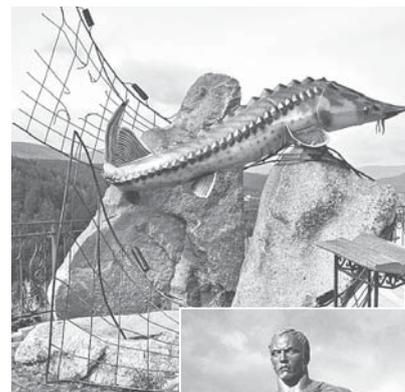
Среди студентов педуниверситета существует поверие: если перед зачётом или экзаменом потереть нос художнику, чьи работы нашли достойное место в Третьяковской галерее, Русском музее, в галереях Польши, Японии и других коллекциях мира, то обязательно поведёт!

→→→ **Памятник Василию Сурикову** в центре Красноярска. Скульптор Илья КОТОВ.

Ещё один памятник великому русскому живописцу установлен в сквере имени В.И. Сурикова на ул. Ленина. Живописные полотна нашего знаменитого земляка: «Переход Суворова через Альпы», «Покорение Сибири Ермаком», «Боярыня Морозова», «Меншиков в Берёзове», «Утро стрелецкой казни», «Взятие снежного городка», «Степан Разин» привлекают взоры посетителей Третьяковской галереи, Русского музея масштабностью замысла и исторической достоверностью. Это наша гордость!

→→→ **Памятник Ивану Ярыгину** — остров Отдыха перед Дворцом спорта имени И.С. Ярыгина.

Автор проекта памятника — скульптор Владимир УСОВ, земляк Ярыгина, архитектор Андрей КАСАТКИН. Бронзовую фигуру изготовили в Санкт-Петербурге при содействии Зураба ЦЕРЕТЕЛИ. Наш знаменитый борец вольного стиля, дважды олимпийский чемпион увековечен так же в турнире его имени и многочисленных памятниках во многих городах России.

Но, пожалуй, самыми соразмерными горожанам оказались городские скульптуры, в первую очередь — обозначающие профессиональную деятельность

→ Скульптура «Клоун» на пр. им. газеты «Красноярский рабочий» стоит у цирка. Скульптор Александр ТКАЧУК создал весёлое воплощение циркового искусства. От прикосновений горожан «на удачу» клоун весь блестит!

→ Скульптура «Дядя Яша и стажёр» на ул. Парижской Коммуны, 41. Скульптор Андрей КИЯНИЦЫН, благодаря победе в конкурсе 2005 года на звание «Самый забавный памятник России», стал известен не только в нашем городе, но и во всей стране. Прототипом для дяди Яши стал Яков ЗУБКОВ, проработавший 30 лет в «Водоканале».

↑ «МАСТЕР МЕБЕЛЕВ» на проспекте имени газеты «Красноярский рабочий» — символ становления Гильдии мебельщиков. Скульптор Борис Мусат изобразил мебельщика в одежде позапрошлого века, опирающегося на стул собственного изготовления. Есть примета: сфотографируешься, сидя на нём — дом будет полной чашей.

↑ Скульптура «Петровна» — на пр. Металлургов, 22 а. Скульптор Андрей Кияницын. Прототип героини сюжета — Надежда Петровна Сидорова, 10 лет наводила порядок в своём дворе.

↑ Скульптура «Фотограф» на пр. Мира, 98. Скульптор Андрей Кияницын, архитектор Михаил Меркулов поставили своего «Фотографа» по заказу фирмы «Кодак» в качестве её рекламы.

Гуляя по городу, можно встретить «Строителя», «Дизайнера», «Дядю Васю», обнимающего фонарный столб, посидеть рядом с «Уличным музыкантом», послушать урок «Учительницы».

Художники стараются сделать наш город не только красивым, но и оригинальным

← Скульптура «Волк-спортсмен» в Фан-парке «Бобровый Лог» — весёлый памятник Волку из мультфильма «Жил был пёс», создан томскими мастерами И. КОЛОМИЙЧЕНКО и М. ПЕТРОВЫМ.

↙ «Наша десятка» Скульптор Александр ТКАЧУК. Кто-то обронил «десятку» на городскую брусчатку, да так она там и лежит. Не утащить и в карман не положить: её размер 2,5 на 1 метр, вес — более тонны. А повод понятен — именно на десятирублевой бумажной купюре изображен символ Красноярска — часовня Параскевы Пятницы.

↑ Композиция «Бронзовые кошки» на здании педагогического университета имени В.П. Астафьева. Скульптор Константин Зинич и архитектор Владимир ЧЕПИЖКО создали самый маленький памятник из всех, что есть в нашем городе. Пока...

Красноярские скульпторы отдали немалую дань и мифологии, эти работы удачно вписались в городские пейзажи

→ Скульптура Икара — в сквере Космонавтов на проспекте Металлургов.

Скульптор Александр Ткачук поместил своего бронзового Икара в центре фонтана, струи которого создают иллюзию полёта.

Архитектор Андрей Касаткин выполнил реконструкцию всего сквера Космонавтов, он же спроектировал и замечательный фонтан, над которым парит Икар, осуществляя вечную мечту человека о свободном полёте.

↓ «Похищение Европы» на Предместной площади.

Скульпторы Александр Ткачук и Виталий ОСЬМУШКИН, архитектор Андрей Касаткин. Скульптурная композиция посвящена любви бога Зевса к дочери финикийского царя. Превратившись в быка, Зевс унёс возлюбленную на остров Крит.

↓ Отдельного упоминания заслуживает каскадный фонтан «Реки Сибири», первый за Уралом. Он воспевает красоту и мощь богатыря-Енисея.

Расположен на террасе, спускающейся от театра оперы и балета к набережной. Перепад высот — 20 метров! Фонтан украшают скульптурные олицетворения рек, впадающих в Енисей: Ангара, Тунгуска, Хатанга, Базаиха, Кача, Бирюса и Мана. Придумал и спроектировал эту замечательную композицию Аргг Демирханов, над скульптурами рек трудились красноярские скульпторы: К. Зинич, В. МОИСЕЕВ, А. НЕЧЕПАРЧУК, А. Кияницын

Кстати, своё название Театральная площадь получила в 2005 году, до этого она была площадью имени 350-летия Красноярска, а ещё раньше, до 1967 — Лесной.

Наш город по праву называют городом скульптур и фонтанов, уступающим только Москве и Санкт-Петербургу. В настоящей подборке представлена лишь малая толика, рассказать обо всех — не хватит и целой газеты.

В Красноярске более 150 фонтанов, 27 крупных музеев, не считая музеев при вузах, на предприятиях и т.д., 98 скульптурных памятников, 26 мемориалов, 167 мемориальных досок, 17 художественных панно.

Но художественная мысль скульпторов в это самое мгновение рисует новые образы, которые помогут нам помнить о прошлом, беречь настоящее и смотреть в будущее.

Подборку сделала Людмила АБРАМОВА

Работяга

Он смотрит на Коммунальный мост, известный всей России, который строил сам. Он помнит, что в нескольких десятках километров выше моста стоит другой гигант — Красноярская ГЭС, на которую он когда-то привёз турбины. Он знает, что в нескольких тысячах километров вниз по Енисею есть Карское море, по которому он водил караваны судов с людьми и грузами к месту строительства «Жемчужины Заполярья» — Норильского комбината. Он многое помнит в отличие от нас. Мы о нём забыли...

Три богатыря

Тысячи красноярцев ежедневно спешат по Коммунальному мосту, с которого виден этот не утративший монументальности старый пароход, пришвартованный к острову Отдыха. Кстати, несмотря на солидную трубу, это и не пароход вовсе, а теплоход! Но об этом знают лишь немногие горожане да речники старшего поколения. Полная же история судна вообще мало кому известна, а интрига в ней закручена не слабее, чем в детективном романе!

На Енисее без малого полвека работали три однотипных буксира, и только «Красноярский рабочий» прожил свою жизнь под одним именем — старейшей российской газеты (в 2015 году ей исполнилось 110 лет!). «Красноярский рабочий», «Советская Сибирь» (позднее — «Владимир Ленин») и «Комсеверпуть» (в некоторых источниках — «Комсеверморпуть», позднее — «Клим Ворошилов», «Михаил Калинин») построены в Германии в 1930 году. Головное судно этой серии — «Первая пятилетка» — ушло на Лену, а «Анастас Микоян» — на Обь и Иртыш.

В Красноярском крае их звали «Три богатыря», на фоне речных архаичных «колёсников» они выглядели настоящими «морскими волками». И так оно и было! В 1933 году «Красноярский рабочий» возглавил караван первой Пясинской экспедиции, маршрут которой составил четыре тысячи километров. Это была первая заброска грузов для строящегося Норильского комбината с Енисея через Карское море на реку Пясино, к пристани Валёк.

В 1936 году «Красноярский рабочий» провёл ещё один караван барж с оборудованием и снабжением для Норильского комбината. Рейс оказался очень сложным, путь речному каравану по Карскому морю прокладывал знаменитый тогда ледокол «Александр Сибиряков». Тот самый, что первым в истории в 1932 году смог пройти весь Северный морской путь за одну навигацию, тот самый, что в 1942 году погиб в Карском море в неравном бою с немецким «карманным линкором» «Адмирал Шеер». Из-за тяжёлых ледовых условий суда второй Пясинской экспедиции не смогли вернуться на Енисей и зазимовали на Таймыре, пробиться сквозь лёд и вывезти часть людей смог только флагман каравана — «Красноярский рабочий».

Не отставали от нашего героя и его собратья: «Комсеверпуть» обеспечивал строительство морского порта в Диксоне, «Советская Сибирь» первой стала проводить через Осиновские пороги без расчалки длинные караваны из более чем десятка барж. На более спокойных участках эти самые мощные тогда на Енисее буксиры вели за собой многокилометровые караваны из десятков барж.

Вместе эти «три богатыря» прокладывали маршруты в Эвенкию и на Таймыр, работали в штормовых условиях в Енисейском заливе. Вместе они подвозили полуарки на строительстве Коммунального моста. В 1970 году в год 100-летия со дня рождения Ленина теплоход «Владимир

Ленин» доставил к месту стоянки восстановленный из небытия пароход-музей «Св. Николай». «Красноярский рабочий» с 1965 года пять раз приводил из Дудинки морской лихтер «Лодьма», на котором из Ленинграда были доставлены рабочие колёса всех турбин Красноярской ГЭС.

Лишь в 1970-х годах «три богатыря» уступили звание самых мощных буксиров на Енисее теплоходам серии ОТ-2000 венгерской постройки, а в 1977 году вообще были выведены из эксплуатации. Не из-за ветхости, хотя большинство их ровесников давно пустили на слом. Просто качество и надёжность теплоходов, построенных немецкими корабельщиками, оказались слишком хороши — они пережили свою эпоху и в конце XX века доставляли проблемы с обслуживанием и ремонтом.

— Очень тяжело было ремонтировать дизели MAN 1920-х годов на судоремонтном заводе, — вспоминает енисейский капитан, а ныне — директор Народного музея истории и развития судоходства на Енисее Борис ГОНЧАРОВ. — Корпуса этих судов были не сварные, а клёпаные — тоже уже забытая технология. Они устарели не физически, а морально. Два буксира-ветерана разрезали на металл, а «Красноярский рабочий» был передан в качестве плавбазы Красноярскому детскому речному пароходству.

Со славы трудовой биографией «Красноярского рабочего» и его систершипов можно познакомиться в упомянутом музее, расположенном в здании Енисейского речного пароходства. К сожалению, не вся информация там соответствует действительности.

Так, например, табличка у модели «Красноярского рабочего» гласит, что он якобы построен в Данциге и в 1938 году был переименован во «Владимир Ленин» (истории переименований описаны выше). Зато в этом музее воссоздана капитанская каюта легендарного теплохода и его стилизованный мостик.

Иммигрант? Нет, «возвращенец»

Считается, что все суда проекта «Первая пятилетка» построены в Германии, поэтому даже енисейские речники-ветераны называют их исключительно «немецкими». Чтобы разобраться в этом, пойдём от обратного. Закладные доски «Красноярского рабочего» и «Владимира Ленина», которые хранятся в музее судоходства на Енисее, недвусмысленно говорят, что буксиры эти построены фирмой «F. Schichau G.m.b.H.» из города Эльбинга на её верфи в Данциге. Но таких городов сейчас на картах нет!

Дело в том, что в 1945 году Сталин «подарил» их вместе со всей Восточной Пруссией Польше взамен польских территорий, присоединённых СССР к Литве и Украине. С тех пор Данциг стал Гданьском, а Эльбинг — Эльблонгом, и о немецкой их истории теперь стараются не вспоминать. В справочнике нынешнего Эльблонга среди известных жителей вы не найдёте Фердинанда ШИХАУ, который в 1837 году основал здесь ставшие впоследствии всемирно известными машиностроительный и судостроительный заводы. А когда-то жители Эльбинга поставили памятник этому выдающемуся инженеру-конструктору.

После смерти Фердинанда Шихау компанию возглавил его зять Карл Генрих ЦИЕЗЕ, как это ни покажется странным — коренной москвич: он родился в Москве. В Москве же родился и умер его отец — владелец машинной фабрики. Может быть, поэтому история «F. Schichau» оказалась достаточно тесно переплетена с Россией?

Фирма построила для императорского флота множество миноносцев и минных крейсеров. Знаменитый лёгкий крейсер «Новик» (первый в мире среди 25-узловых), прославившийся в 1904 году при обороне Порт-Артура и погибший в неравном бою с двумя японскими броненосными крейсерами.

Три богатыря на Енисее.

«Есть что-то щемящее и бесконечно дорогое в этом одиноком учаленном, умолкшем навсегда, но не утратившем гордого достоинства старике, есть что-то вечное, немеркнущее в его молчаливой, отстранённой от современной жизни осанке, как будто всем своим видом он говорит: «Я отработал своё, много пользы сделал людям. Посмотрим, что сделаете вы? Как проживёте жизнь свою? Пока лишь шум с моста доносится, дымки заводские наплывают с берегов да порою пролетят надо мной косяки высоких птиц, поприветствовав меня родными прощальными криками, или с гор принесёт ветром одинокий осенний жёлтый лист. Мне снятся речные просторы и высокое голубое небо над ними. Что снится вам, тревожные люди?...»

(В. П. АСТАФЬЕВ,
«Старый корабль»)

рами у берегов Сахалина, для России тоже построила фирма «Шихау». Из «чужих», но знаменитых кораблей, построенных этой компанией, можно назвать крейсер «Эльбинг» (первоначально строился для России как «Адмирал Невельской»), который первым поразил неприятеля в самом крупном морском сражении XX века — Ютландской битве. Флагманский линкор «Баден» командующего немецким флотом в Первую мировую войну адмирала Рейнхарда ШЕЕРА тоже построила «Шихау».

В общем, было бы не удивительно, если бы и передовой проект необычного буксира, ставшего в нашей стране родоначальником судов класса «река-море», разработали корабельники этой всемирно известной компании... Но это не так! На самом деле буксир для Сибири был разработан в конце 1920-х годов не где-нибудь, а в самой Сибири — в Омском бюро и Центральном бюро Регистра СССР инженерами Н.М. ТУРКОВЫМ и П.О. ЗОНДИНЫМ.

И, кстати, «Первая пятилетка», ушедшая на Лену, вовсе не была первым проектом, как принято считать, наоборот — она последнее судно серии. А первым был построен в 1929 году «Анастас Микоян», ушедший

работать как раз в Омск на Иртыш и Обь.

Не знаю, как сложилась судьба второго конструктора, а вот относительно Николая Михайловича Туркова удалось выяснить, что в 1950 году, уже будучи заместителем начальника отдела флота и судостроения территориального управления министерства речного флота СССР, он был удостоен Сталинской премии в 50 тысяч рублей (при средней зарплате в СССР в том году в 646 рублей) — как раз за разработку и внедрение в производство новых типов речных судов.

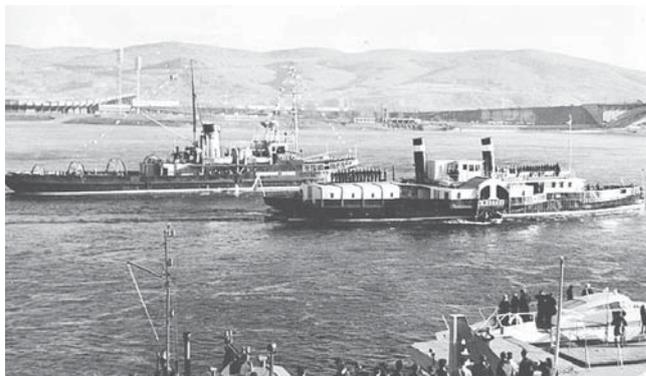
Лучше пойти ко дну?

Много лет стоит «Красноярский рабочий» у острова Отдыха на виду у всего Красноярска. Предложений по его спасению, превращению в музей и даже переоборудованию в молодёжный клуб (!!!) было множество, но «Schiff», как говорят немцы, и ныне там, и во всё более ветшающем состоянии.

Кстати, порывшись в Интернете, я выяснил, что из двух закладных досок, хранящихся в музее Енисейского судоходства, ни одна не принадлежит «Красноярскому рабочему» (№1233). Получается — родная ещё где-то на нём? Значит, можно считать, что, пусть даже всеми позабыт-позаброшен, легендарный буксир ещё жив?

А ведь как стараются его похоронить!... Как только заходит разговор о возможности спасения судна, ответ один: «Машина разобрана. Корпус течёт. Листы обшивки расходятся. Восстановлению не подлежит». Но самое удивительное, что «Красноярский рабочий» упорно не хочет подтверждать «высокий диагноз»! Судите сами: теплоход, которому уже 86 лет, без малого 40 лет как выведен из эксплуатации, но до сих пор на плаву — практически без ремонта и без обслуживания! Какое современное судно на это способно?

С нынешним хранителем легендарного буксира, бывшим капита-

1970 год — «Владимир Ленин» и «Св. Николай»

ном-наставником, а ныне пенсионером Николаем ПЕСТОВЫМ мы спустились в носовой трюм. Удивительно, но там было почти сухо! Николай Васильевич пояснил: после того как весенним манским ледоходом был несколько раз повреждён корпус, он с коллегами лет пять назад наложил цементные заплатки от борта до борта в носовой части, и теперь нужен лишь постоянный контроль да откачка воды небольшим насосом раз в полтора-два месяца.

— Людям интересен теплоход, иногда даже целыми семьями приходят посмотреть, делегации туристов из других городов бывают, — говорит капитан Пестов. — Но состояние судна такое, что на борт пускать людей просто опасно, да и картина не из весёлых... Это издавна «Красноярский рабочий» ещё выглядит молодцом, а вблизи все «морщины» на виду...

Я слушал ветерана-речника и вспоминал, что знакомый всем красноярцам (и не только) пароход-музей «Св. Николай» к 100-летию со дня рождения Ленина на Красноярском судоремонтном заводе восстановили

буквально из ничего — чудом нашли ещё не разрезанный корпус на корабельном кладбище в Подтёсово, а всё остальное делали заново. В сравнении с ним «Красноярский рабочий» — шедевр сохранности, а уж по степени интереса к нему точно не уступит.

Вы скажете, на восстановление исторического судна и превращение его, например, в музей нет средств? А вот в Иркутске их нашли даже на рубеже голодных 1980-90-х годов и подняли заброшенный затонувший ледокол «Ангара». Средства на его восстановление собирали с миру по нитке — даже легендарный чемпион мира по шахматам Анатолий КАРПОВ внёс свою лепту в восстановление. Сейчас этот самый старый в мире из сохранившихся ледоколов официально оформлен как государственное имущество Иркутской области, на нём размещён филиал краеведческого музея.

Вот и лезет в голову крамольная мысль: может «Красноярскому рабочему» утонуть, чтобы о нём вспомнили?

Андрей КУЗНЕЦОВ

В музее судоходства на Енисее можно представить себя капитаном «Красноярского рабочего» и даже отдохнуть в его каюте

Старые письма о главном

Через год Россия отметит 100-летие Октябрьской революции 1917 года, кардинально изменившей судьбу страны, вписавшей кровавые строки и в летопись Сибири. Память о них сохранилась в эпистолярном наследии ярких представителей интеллигенции того времени.

Листаю книгу «Кто вы, доктор Крутовский?», подаренную историком, заслуженным работником культуры России Аделей БРОДНЕВОЙ. К слову, автор стала лауреатом престижного российского конкурса имени русского историка Ивана ЗАБЕЛИНА за изданный в 2012 году двухтомник дневников красноярского протоиерея Василия КАСЬЯНОВА. Четверть века исследовательница восстанавливала более трёх тысяч страниц рукописного текста — памятник городского летописания. В том же году у Бродневой вышла ещё одна книга, о которой мало кто знает (тираж — всего 150 экземпляров). Идею этого издания историк вынашивала более двух десятилетий.

В январе 2016 года исполнилось 160 лет со дня рождения известного в Енисейской губернии врача, редактора нескольких газет и журнала «Сибирские записки» Владимира Крутовского. Кем же всё-таки был этот высокообразованный, разносторонне одарённый человек, о чём рассказывают и умалчивают его письма?

Попутчики

Однажды доктор Крутовский оказался в одном поезде с Владимиром УЛЬЯНОВЫМ, следовавшим в административную ссылку из Петербурга в Красноярск. О чём беседовали попутчики, никому неизвестно, однако по прибытии в краевой центр медицинское освидетельствование ссыльного Ульянова произвёл именно врачебный инспектор Крутовский.

Благодаря тому что у Владимира Ильича был выявлен верхушечный туберкулёз лёгких, его отправили не в Восточную Сибирь или Якутию, а в тёплую нашу сибирскую Швейцарию — в село Шушенское.

Известно, что Ленин, живя в Шушенском, поддерживал хорошие отношения с Крутовским и переписывался с ним.

— В середине 80-х годов, когда я работала в Красноярском краеведческом музее и занималась историко-революционными филиалами, обратила внимание на то, что имя Крутовского часто упоминалось в ленинской теме, — вспоминает Аделя Владимировна. — Тогда и решила побольше узнать об этом человеке. Написала в Томский университет, потому что знала — там хранится переписка Крутовского с выдающимся сибирским учёным и государственным деятелем Григорием Николаевичем ПОТАНИНЫМ (одним из основателей сибирского областничества, — прим. автора). Неожиданно быстро оттуда прислали (в то время совершенно бескорыстно и бесплатно) копии 40 хорошо сохранившихся писем. Читала их, не отрываясь, настолько интересно. Помню, среди прочих там были письма 1916 года, посвящённые изданию журнала «Сибирские записки» и ещё много всего...

Тема меня захватила. Прошло месяца два, и получаю приглашение в Томск на конференцию, посвящённую областникам (общественно-по-

литическое течение 60-70-х годов XIX века) — людям, которые хотели изменения экономического и политического статуса Сибири и жестоко за это заплатились. Российская власть всегда боялась вольницы, особенно в Сибири, поскольку народ здесь был более чем неуправляем (примерно четверть населения вообще ссыльно-поселенцы и бывшие каторжники). К тому же в Сибири не было крепостного права, а значит, люди держали себя независимо. Подтверждение этому можно найти и в художественной литературе. Была распространена романтизация образа сибиряка: писали о его смелости, выдающихся способностях, золотом сердце и золотых руках.

Золотые сердца

О характере сибиряка в своей книге очень интересно и научно написал Николай Михайлович ЯДРИНЦЕВ (книга называется «Сибирь как колония», вышла в 1884 году). Дело в том, что и сам Николай Михайлович родился в Омске. Он и его соратники считали, что после окончания университета человек обязательно должен вернуться на родину, в Сибирь, потому что она нуждается в образованных людях. Так они понимали сибирский патриотизм.

Бывшая усадьба Крутовских по улице Каратанова, 11 (новодел)

СПРАВКА

Н.М. Ядринцев — публицист, журналист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии, один из основоположников сибирского областничества. Его именем названа одна из улиц в центре Иркутска, а также улицы в Омске, Новосибирске, Барнауле и село в Омской области.

За что бы ни брался Николай Михайлович, в любой отрасли науки совершал прорыв. В своё время он увлёкся археологией и во время экспедиции в Минусинский край и к верховьям Орхона открыл развалины древней монгольской столицы Кара-корума Хара-Балагасуна — столицы Уйгурского каганата, а также памятники древнетюркской письменности с дублированием тюркского текста китайскими иероглифами, что сделало возможным их расшифровку. Это было открытие мирового значения, сразу же к теме подключились лингвисты, переводчики. Учёные получили возможность читать рунические письма, которые оставили

нам далёкие предки на территории Сибири. Именно в такой атмосфере среди неординарных личностей и формировался Крутовский и многие его современники.

— Перед тем, как ехать на конференцию в Томск, я обработала письма Владимира Михайловича, сделала выводы. Перед выступлением очень волновалась, — признаётся Аделя Владимировна. — Потому что на исторический форум собрались асы — профессора, доктора наук со всех уголков Сибири. Оказалось, что переживала зря, выступила удачно, доклад вызвал огромный интерес. После конференции мы пообщались с Семёном Фёдоровичем КОВАЛЁМ, замечательным историком, выдающимся декабристоведем, человеком, который занимался историей Сибири на протяжении многих лет. Он высоко оценил моё исследование, несмотря на то, что я по сути дела только начала «прорубать» тему. Возвращаясь в Красноярск, уже не сомневалась, что продолжу исследование.

Сибирские Афины

Читая письма Крутовского, можно многое узнать об областниках — о Ядринцеве, Потанине и о многих красноярских врачах, историках...

— Работая над темой, я выяснила,

взять областничество, то оно было неужодно всегда — неприемлемо как для самодержавия, так и для большевиков. Любая столичная власть считала областников врагами государства. К концу 20-х годов многие областники, особенно те, кто принимал участие в составлении Сибирской советской энциклопедии, были репрессированы, расстреляны, в их числе Н.Н. КОЗЬМИН, М.М. БАСОВ, В.А. Смирнов и другие.

Население Сибири уже тогда было многонациональным, а законы не давали возможности людям некоторых национальностей заниматься каким-либо промыслом. Например, евреи не могли заниматься золотым делом, не имели права поступать в университет и т.д. Вопреки всему, сибирскому интеллигенту того времени были присущи такие качества, как интернационализм, свобода поступков и слова, определённая смелость; это были пассионарии.

История под протокол

— Книга называется «Кто вы, доктор Крутовский?», и этот вопрос возник, когда читала одно из других писем Владимира Михайловича и его сподвижников, — рассказывает Аделя Владимировна. — Как врач-окулист Крутовский впервые в Красноярске провёл тысячи хирургических операций, преподавал в фельдшерской школе, работал чиновником городской администрации, был садоводом, учёным-помологом, журналистом, редактором газет и журналов... Каждое из перечисленных направлений могло бы стать смыслом и целью жизни человека...

А.В. Броднева проанализировала и снабдила комментариями около 150 писем. Это не только архив краеведческого музея, но и государственный архив Красноярского края, а также письма из фондов музея Мартьянова в Минусинске и ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве). О каждом участнике переписки в книге есть биографические справки. В целом получился очень хороший пласт, который даёт возможность показать, какой у Крутовского был круг общения, знакомых, чем он вообще занимался.

В.М. Крутовский начал издавать первую в Сибири профессиональную газету «Сибирские врачебные ведомости». Издание было насквозь политизированным, отражало все самые острые процессы, происходящие в обществе. Из писем ясно, что, несмотря на политические разногласия, среди интеллигенции не было вражды в человеческом смысле. Представители разных партий, как шутил историк-краевед Пётр МЕШАЛКИН, и водку вместе пили, и по девкам ходили...

— Помимо газеты, Крутовский почти 20 лет добивался разрешения на издание общественного журнала «Сибирские записки» (для этого ему нужно было получить массу согласований и разрешений в Москве), — продолжает Аделя Владимировна. — Деньги на издание давали некоторые купцы и общественные деятели. Тираж доходил до тысячи экземпляров! Крутовский собрал практически всех писателей, которые были в то время на сибирском пространстве — от Урала и до Дальнего Востока. Журнал был и общественно-политический, и литературный, и краеведческий, т.е. все аспекты жизни Сибири там освещались.

Многие талантливые авторы впервые дебютировали именно в

«Сибирских записках». Журнал был востребован в обществе, на него шла подписка. Там размещалось множество рецензий. Под криптонимом ВК публиковал свои материалы сам редактор. Писалось в журнале и о боях, которые шли в Минусинском округе, о возникновении партизанского движения (восприятие было резко отрицательным — «Банды Шетинкина у ворот»). Говорилось, что партизаны разоряют сёла, сжигают архивы волостного правления, расправляются с активистами, убивают священников, насилюют.

— Картина нелицеприятная, страшная, и это всё и по журналу, и по письмам можно проследить. — добавляет исследователь. — В одном письме говорится о восстании 51-го Сибирского стрелкового полка, которое было подавлено большевиками, и результат этого восстания Крутовский также описывает. Письма чётко отражают состояние общества. Он пишет, что народ так разволновался, что ещё не скоро придёт в нормальное состояние, а будет долго бродить... Крутовский искренне считал, что лучшее для Сибири — это теория областников, которая по тем временам формулировала демократические завоевания: восьмичасовой рабочий день, наделение крестьян землёй (как раз всё то, что обещали большевики).

С 1916 по 1919 год вышло 40 журналов на тонкой газетной бумаге. Сегодня их сохранность вызывает беспокойство. По мнению историка Бродневой, журнал доподлинно, протокольно запечатлел классовую борьбу в Сибири в период революции и гражданской войны. «Сибирские записки» отражают тот драматический период в истории, в котором много белых пятен, поэтому со временем их значение будет возрастать, и нужно успеть оцифровать или переиздать журнал, пока это ещё не поздно сделать.

В 1919 году при КОЛЧАКЕ был издан приказ верховного правителя о закрытии издания, так как оно задевало интересы власти. Но редактор Крутовский не пострадал. Помогло то, что он делал операцию по удалению катаракты одному белому генералу, и тот его уберёт от наказания. Колчаковцы оставили Крутовского в покое, однако в 1938 году он был арестован органами НКВД как агент пяти иностранных разведок и создатель контрреволюционной организации в Сибири. Вскоре доктор умер в тюрьме, по официальной версии — от сердечной недостаточности. Захоронен был на Николаевском кладбище Красноярск в общей могиле. Место это, похоже, потеряно навсегда...

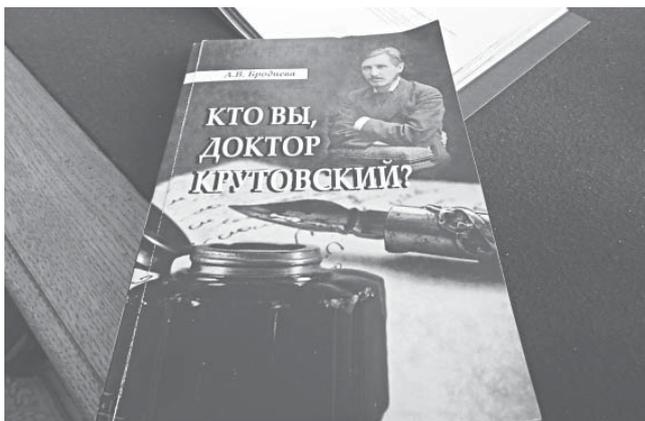
Город имён

В Красноярске, в Октябрьском районе, в жилом массиве Удачный есть улица Крутовского. По иронии судьбы в этом же районе, недалеко от Николаевского кладбища — улица КОРОЛЕНКО (небольшая, всего несколько домов). С автором повести «Дети подземелья» Владимир Михайлович познакомился ещё в Петербурге. В книгу «Кто вы, доктор Крутовский?» вошли и два письма, которые доктору написал В.Г. КОРОЛЕНКО.

«Дорогой Владимир Михайлович. Из двух источников рассказывают о том, что в Красноярске тюремный смотритель за какую-то жалобу страшно избил рабочего Махова, — пишет Короленко (письмо № 32 от 03.10.1901 г.). — ... Этот мерзавец бил Махова каблуками и даже, запихивая

А. Броднева

пальцы, раздирает рот. Я, разумеется, постараюсь, чтобы эта история получила, по возможности, огласку, но важно ещё, чтобы на месте защитит Махова от этого зверя и чтобы он нашёл так же защиту на суде...».

Далее писатель просит Крутовского связаться с двумя адвокатами, которые помогут защитить рабочего, а потом сообщить ему об исходе этого дела.

Знакомый Крутовского врач В. ХВОРОВ вспоминал: «Двери дома доктора Крутовского всегда и для всех были гостеприимно открыты... ни один ссыльный, побывавший в Красноярске, не обошёлся без каких-либо услуг с его стороны...».

Семейный альбом

В 2015 году А.В. Броднева на собственные средства издала «Семейный альбом Крутовских». Правнук Владимира Михайловича Крутовского Иван Всеволодович ВОРОНОВ, с которым она много лет поддерживает тёплые отношения, любезно согласился предоставить для этой цели фотографии из семейного архива (1881-1950), а

Красноярск), — показывает фотографию из альбома А. В. Броднева. — На другом снимке — Елена Александровна Крутовская (внучка В.М. Крутовского), первый зоолог заповедника «Столбы», основательница живого уголка. На следующем — родной брат Владимира Михайловича — Всеволод, основатель ботанического сада на правом берегу Енисея, заложенного в 1900-1904 годах и носящего сейчас его имя.

Вошли в альбом фотографии интеллигенции, представлявшей цвет интеллектуальной жизни Петербурга, Москвы и Красноярск. Например, есть снимок Софьи Ивановны СМИРНОВОЙ (урождённая КУСКОВА) — общественницы, учительницы; её муж был владельцем старинной аптеки (ныне — №1 на улице Мира). Или, например, портрет участницы Парикской коммуны Елизаветы Лукиничны ДМИТРИЕВОЙ-ТОМАНОВСКОЙ-ДАВЫДОВСКОЙ.

— Фотографии могут очень часто подсказать нам сведения, которые нигде больше не сохранились... Например, вот эта, видите, наклеена на чужое паспарту — так делали только тогда, когда хотели скрыть, что там написано, — отмечает Броднева. — Уникален альбом тем, что здесь очень много известных красноярцев. Вот, например, сын золотопромышленника, купца первой гильдии, представителя крупнейшей красноярской династии купцов и золотопромышленников Петра Ивановича КУЗНЕЦОВА, того самого, который трижды избирался главой Красноярск. Лев Петрович Кузнецов пожертвовал городу здание под больницу, которая располагается в нём до сегодняшнего дня.

В «Семейном альбоме» — 143 фотографии. Конечно, сюда не вошёл полный фотоархив Крутовских. Для того чтобы напечатать его, автору пришлось бы писать аннотации к каждой фотографии, но далеко не все сведения дошли до наших дней. В работе историку очень помогли материалы родословного древа, составленного Екатериной Дмитриевной НАШОКИНОЙ, внучкой В.М. Крутовского, и материалы из фонда краеведческого музея.

Историческая память

Презентацию альбома проводили в узком кругу, в бывшей усадьбе Крутовских, расположенной в центре города, по адресу Каратанова, 11 (к сожалению, здание в несколько изменённом виде: надстроена мансарда, но сохранился первоначальный внешний облик каменного особняка, — прим. автора).

Кем же всё-таки был В.М. Крутовский? Вновь беру книгу писем и читаю: «В.М. Крутовский не был лишён исторической памяти. В воспоминаниях о «незабвенном друге» Н.М. Ядринцеве он написал: «Три года назад мне пришлось быть в Барнауле, и я, конечно, отправился на могилу покойного друга. Что же я нашёл? Печальная картина мерзости и запустения! Сердце сжалось от боли. Вот так читает память своих лучших сынов их родина Сибирь!»

Разве мог он тогда предположить, что потомки даже не найдут его собственной могилы?

А книга и альбом, изданные по инициативе А.В. Бродневой, — это память о том, как много мог сделать и сделал один человек.

Вероника АНДРЕЕВА

Ожидания и разочарования

Париж... «Как много в этом звуке для сердца русского слилось»... Конечно, эти слова сказаны нашим поэтом о российской столице. Но таким ли большим преувеличением совсем недавно показалась бы шутливая попытка отнести их и к столице французской?

Так уж было угодно свыше, что судьбы наших стран и народов оказались тесно переплетены и оставили в нашей исторической памяти и в нашей культуре глубокий след.

Каждая новая эпоха добавляла что-то своё, вилетая в общую память то горести, то радости, то взаимные восторги. Но вот вдруг как-то неожиданно наступило время взаимных разочарований, обид, охлаждений и отдалений. И уже поездка в Париж, многими и многими поколениями наших людей воспринимаемая как счастливейшее событие в жизни, в одночасье утратила своё волшебное очарование. И даже стала поводом для совсем невесёлых размышлений. Что и подтверждает писатель Михаил ТАРКОВСКИЙ, не так давно вместе с другими русскими писателями побывавший в Париже по приглашению французской стороны. Но всё по порядку.

— Михаил, что это было за мероприятие, где оно происходило, и кто ещё из наших российских писателей был приглашён?

— Это были Дни русской книги в Париже. Они проходили 5-6 февраля. А днём раньше был показ фильмов, в котором я участвовал с нашим фильмом «Замороженное время».

Мероприятия фестиваля проводились в мэрии 5-го округа Парижа. Аккурат рядом с Пантеоном. В них входила и книжная ярмарка, и художественная выставка. В двух шагах от мэрии, в старинном здании коллежиа Генриха IV проходили круглые столы. В двух из них я участвовал.

Были приглашены многие писатели, в их числе: Роман СЕНЧИН, Василий ГОЛОВАНОВ, Сергей ШАРГУНОВ, Юрий БУЙДА, Ольга СЛАВНИКОВА... Ну и ПОЗНЕР, конечно, который был там всяко обласкан. И книжка его уже переведённая лежала. Был Захар ПРИЛЕПИН, но как-то помимо Дней книги, хотя и участвовал в одном из круглых столов.

— А кто всё это организовал? Русские французы?

— Там была целая команда, которой руководил глава оргкомитета фестиваля Дмитрий де КОШКО. Замечательный человек, энтузиаст и подвижник русской культуры. А именно мной занимался Денис УСТИНОВ, который буквально возился с нами, помогал, таскал по городу на своей машине. И отдельное ему спасибо за поездку на русское кладбище.

Организаторами, конечно, выступили люди с русскими корнями. И это во Франции были уже одиннадцатые по счёту Дни русской книги. Вообще, надо сказать, что всё это варится вокруг среды, связанной с Россией — эмиграцией различных «волн». Ну, а цель, думаю, традиционная, как всегда — ознакомление с русской культурой и поддержание связей, которые в последнее время обратились в совсем уж тонкие нити.

— Всё проходило «при большом стечении народа», или это был просто междубойчик — посиделки с русской диаспорой?

— Представь, нет. Признаюсь, я даже не ожидал. Народ валил валом. Мне всё это напомнило 70-е и 80-е годы, когда люди с горящими очами ломались на всякие выставки и встречи. Прямо толпы народа. Удивительно. Не знаю, правда, можно ли по этому валу судить об интересе к русской литературе на Западе вообще и во Франции в частности. Безусловно, это были люди, интересующиеся Россией. Там были и русские, и выходцы из смешанных семей, и просто французы. Но какая-то зацепочка к России у всех, думаю, была.

А рядовому французу, у которого такой зацепочки нет, мне кажется, всё это безразлично. Мы там сегодня, скорее, во врагах числимся, и потому французам больше интересна литература, которая нас с негативной стороны показывает. Лагерная тема, допустим, очень популярна. Как правило, переводят ШАЛАМОВА, СОЛЖЕНИЦЫНА, ещё ПАСТЕРНАКА. Это политика.

Вот и для моего семинара придумали соответствующее название: «Природа как утешение в трагической судьбе русского человека». Я им говорю: «Что ещё за утешение? Утешение — это для нытиков каких-то. А для русских природа — источник силы и вдохновения». На это мне ответили, что тот, кто придумывал темы, видит именно так, ну, а я могу говорить то, что считаю нужным.

— А много ли было вопросов, которые вызывали у тебя недоумение? Вообще, встречали доброжелательно?

— Очень. И каких-то неприятных вопросов не было. Вот и вечер 4-го, с которого всё началось. Это был кинотеатр на улице... не помню какой. Кстати, кинотеатров там море. Только на этой самой улице их оказалось три — пока нашли, чуть не опоздали. Народ туда просто пёр. Зал — как у нас в Доме кино на проспекте Мира. Он был просто битком набит. А мы-то думали, что придёт человек десять, в лучшем случае двадцать.

Правда, нам сказали, что говорить надо немного, иначе не успеем. Два фильма подряд шли: «Замороженное время» и «Калина красная» Василия Макаровича. Во соседство! Ну, я вышел, сказал необходимые слова о том, что наш фильм задумывался как приложение к книге да вдруг зажил сам по себе.

Во время показа ни один человек не ушёл. Тишина стояла полная. Потом, когда фильм закончился, подошёл парень — документалист французский. Сказал, что просто в восторге. После просмотра «Калины» общение продолжилось в вольной обстановке в буфете под шампанское. Просмотр двух фильмов подряд не оставлял уже возможности для разговоров в самом зале.

Люди подходили, задавали вопросы, благодарили. Ничего, кроме восторгов. Правда, когда я сказал, что из тайги процессы, связанные с кризисом западной цивилизации, более отчётливо видны, один мужик ответил: «Какой кризис? Никакого кризиса нет». Ну, я в полемику не стал вступать.

— А на круглом столе под названием «Природа как единственное утешение русских страдальцев» ты в каком ключе разговор повёл?

— Там было три участника: писатель Василий Голованов из Москвы, кстати, побывавший много лет назад у меня в Бахте, Яна ГРИШИНА, замечательная женщина из музея При-

швина, и я. И вот мы трое с помощью переводчика отвечали на вопросы. На таких встречах, особенно где несколько участников, сильно не разговоришься — много времени уходит на перевод. Три-четыре фразы говоришь — тебя переводят. Под конец просили стихотворения прочитать.

А разговор был, вообще-то, серьёзный. В основном касался природы, души. Каждый какую-то свою линию вёл, а я, как мне казалось, пытался всё сказанное объединить. Основной идеей у меня было развенчать предствление, что природа — это уход от чего-либо. Всё совсем наоборот — к природе стремятся по любви, а не от беды.

Природа — это место, где тебе глубже думается и чувствуется. Это такая вершина горы, с которой далеко видно. Это помощь в познании самого себя.

И Яна Гришина примерно то же самое говорила. Конечно, говорил я и о том, как преломляется природа в православной традиции. И о том, что природа только до какого-то этапа тебя интересует, что географическое её пространство когда-то заканчивается и начинается пространство человека.

— Вот ты говоришь, что кто-то удивился: «Какой такой кризис?». То есть на злободневные темы вообще не говорили?

— Почему же? Говорили. И, в общем, они со многим были согласны. На другом семинаре, например, касались кризиса общего. В основном духовного, конечно. И никаких противоречий не возникло. Хотя на втором круглом столе в основном присутствовали женщины, как и в наших библиотеках. А женщины обычно настроены миролюбиво. Так что никакого обострения не случилось.

— Из сказанного тобой понятно, что интерес к нашей литературе там есть. Но может, это только в Париже?

— Думаю, что есть такая среда, где этот интерес существует. Но по ней нельзя судить обо всей Франции. Хотя я со многими разговаривал, и они уверяли, что во Франции самое лучшее отношение к России в Европе по сравнению с другими странами. Например с Англией. Там значительно хуже. Ну, ещё, мол, в Италии хорошо к нам относятся.

— А в Греции разве нет?

— Греция православная страна. Она в принципе не Запад, как мы его понимаем.

— Значит, основной настрой был восторженно-миролюбивым. Кстати, чем занимались в оставшиеся дни? Их у вас много было?

— Улетели мы 10 февраля. Свободные дни просто по городу бродили. Были на кладбище Святой Женевиевы Лесной. Думаю, так сказать правильной, чем русскими буквами передавать французское название. Там, конечно, меня проняло... У могилы Ивана Алексеевича особенно. Оно оказалось совсем маленькое, это знаменитое кладбище. Я думал, что мы очень долго будем находиться к могиле БУНИНА. А нашли её почти у входа.

Вообще всё каким-то особенно маленьким показалось мне в эту по-

ездку. А Париж... Он просматривается от края до края. Как Норильск. В общем, на довольно маленькой планете мы все тут живём.

— Скажи, Париж, который мы все знаем по литературе, по кинофильмам, по картинам французских художников, тебя не удивил? Не разочаровал? Ты, кстати, там первый раз?

— Первый раз. Начну с аэропорта. Ощущение, что появилось после прилёта, потом подтвердилось и в городе. Всё очень спокойно. Порт вообще был полупустой. И все какие-то полусонные, расслабленные по сравнению с той же Москвой.

А в целом тот образ, который во мне был, не совпал с тем, что я увидел. Все эти огоньки, цветочки, бульвары, кафе с художниками в шляпах — ничего этого нет. Лёгкости, воздушности, лиричности нет и в помине. Да и бульвар у них — это совсем не то, что у нас в Красноярске, Новосибирске, Барнауле. У нас это засаженная деревьями полоса посреди улицы и два проезда по бокам. Их бульвар — это просто улица размером с наш проспект Мира. По бокам на узком тротуаре деревья. Вот тебе и весь бульвар.

Париж — это огромный каменный город, в котором такая же плотность и теснотища, как везде в Европе. Улицы узкие, кое-где только одна машина может проехать. Архитектура добротная, тяжёлая, иногда на грани... ну, в плане вкуса. Торговость такая есть. Характерные лобастые дома с мансардами. Нотр-Дам вообще колочий какой-то оказался. А Эйфелева башня издала вроде выглядит неплохо, да ещё и красиво подсвечена. А когда снизу смотришь, когда видишь эти металлические конструкции довольно страшного вида... Кажется, что это чудовище в любой момент ржavo закрипит и пойдёт шагать по улицам.

Вообще, всё кругом монументальное, тяжёлое и словно говорящее о том, что всё главное у города уже позади, в прошлом. И намёка нет на то, что мы по картинам импрессионистов себе представляем.

Но, слава богу, всё же есть и открытые пространства. Например, у Лувра, у колеса обозрения. Место просторное, немного напоминают Санкт-Петербург. Там действительно всё живописно.

А ещё бросилось в глаза неприглядное для нас малое количество рекламы. Зато та, которая есть, тоже уж очень неприглядна. Во время нашего пребывания по всему городу рекламировался новый фильм про двух нетрадиционно ориентированных девиц. Надо сказать, в традиционной архитектуре времён строгой морали эта реклама довольно странно смотрелась. Ладно бы ещё среди чего-нибудь современного, стеклянно-сталебетонного. Кстати, последнего там совсем немного. Конечно, я о новых окраинных районах не говорю. Не бывал.

— А напряжённость после терактов ощущалась?

— Абсолютно нет. С виду, по крайней мере. Город спокойный. Кругом полное благодушие, полная расслабленность. Все сидят на улицах в кафе. Всюду эта воркующая быстрая речь. И надо отдать должное, речь очень приятная, тёплая. Оказалось, что французы говорят ещё быстрее, чем я себе представлял — вообще нет никаких протяжных гласных.

Напряжённости нет, но есть обилие африканцев и арабов. В вагоне метро специально посчитал пасса-

жиров. Ехало двадцать два человека и из них только два европейца. В метро люди африканского вида спят в спальнях мешках, и никто их не гоняет. Новые такие чистенькие спальные мешки, новые рюкзаки... Идиллия. На улицах посоветовали не произносить слово «негр» — можно обидеть, так как негр переводится как «чёрный». Неполиткорректно.

— А как к тебе, русскому писателю, отнеслись русские парижане, русские французы? Ты вообще по-русски без переводчика с кем-нибудь из них говорил?

— У нас не было каких-то уж совсем пространных и глубоких разговоров. Просто времени не хватало. Да и не было желания обострять недолгое общение. Одно было понятно — они живут в другом мире, в другом измерении. Они дети той цивилизации. Но Россия для них, конечно, очень много значит. Кстати, многие переживают за Донбасс, собирают подписи в поддержку их гуманитаркой.

— Какую-нибудь разницу между поколениями ты заметил? Я как-то говорила с одной дамой из Швеции, которая уехала, выйдя замуж за шведа ещё в шестидесятые. Она говорит, что те, кто уехал в перестройку, совершенно другие. Они очень быстро стали западными и отторгают нынешнюю Россию в отличие от её сверстников, которые и через пятьдесят лет ощущают себя русскими. Вообще, какого возраста была публика?

— Если говорить о возрасте, то это были достаточно взрослые люди. И ты права — разницу я, конечно, заметил. Думаю, разница между русскими офицерами, вынужденными под страхом смерти покинуть Россию, и теми, кто через десятилетия просто сытую жизнь на стороне искал, была бы ещё больше.

— Михаил, возвращаясь к литературе: что французы говорят о происходящих в ней сегодня

процессах? И что там происходит с читателями?

— Как я понял, у них всё то же самое, что и у нас. И что везде. Журналов мало, читать стали меньше. Толстые журналы вообще позакрывались. Директор издательства, с которым у меня договор, сказал, что тиражи в последнее время резко упали.

Надо сказать, что в этом плане очень полезно время от времени ездить за границу. А то мы сами, без посторонней помощи на себя всех собак навешиваем, полагая, что у нас всё плохо, а где-то просто рай земной. То же и про алкоголизм можно сказать.

— А что за договор с издательством?

— Два года назад договор подписал на перевод. Обещали в этом году перевести. Но у них там всё как-то неспеша происходит. Это у нас в издательство приходишь, тебя тут же берут в оборот: «Так. Ну что там у тебя? Давай быстро. Некогда тут с тобой». Всё по-деловому. А у французов просто сонное царство какое-то, все томные: «А давайте-ка лучше сначала пойдём посидим, пообедаем. Вина выпьем, поболтаем».

А издавать собираются первый том трёхтомника. Только я его немного откорректирую — самое лучшее возьму.

— Переводу доверяешь? Твою прозу переводить сложно. И не только все тонкости языка надо знать. Кстати, у тебя сложилось представление об уровне понимания нас и нашей жизни французами?

— Все говорят, что мой переводчик — очень хороший специалист. Хотя, действительно, я с трудом представляю, как она будет переводить мою прозу: «Поехал на ветке на вису, там у меня на живую мордочку стоят». Это и москвич без словарика не поймёт. Да и далеко не всякий сибиряк. А что касается уровня понимания, то он довольно приблизительный и услов-

ный. Французы, мне кажется, совершенно не понимают тех вопросов, которые волнуют круг моих товарищей по духу. Они не представляют того, с чем русский мир сейчас сталкивается, не представляют тех опасностей, которые ему угрожают. Они вообще не знают, о чём речь. Хотя, возможно, я и ошибаюсь — у них самих, думаю, под большим вопросом их собственный французский мир из-за нашего миграции. Но мы эту тему при общении вообще не поднимали.

— Неужели и вопросы Крыма и Украины не поднимались?

— Нет. В основном их интересовало всё, что связано с природой, с бытом. Я выступал там как такой... человек тайги. Интересовала человеческая, бытовая, антуражная сторона жизни. Прямо как у нас в библиотеках на встречах с читателями: «А есть у вас в селе школа? А как складывается рабочий день промысловика?». Другая природа, другое устройство жизни — вот это было им интересно, и все вопросы крутились вокруг этого. Кстати, они почему-то думают, что Сибирь — это исключительно север. В зале была доска, и я мелом рисовал карту России с обозначением на ней Красноярского края. Рисовал план избушек и как сделать деревянное чучело утки. Такой вот ликбез.

— А что тебе самому дала эта поездка? И вообще, тебя Париж очаровал?

— Во-первых, увидел, что такое интересующаяся русской культурой парижская среда. Во-вторых, убедился, что у нас жизнь не такая уж худая. А что касается очарованности, так скорее разочарован. Но это не связано именно с Парижем — это какое-то разочарование в европейской цивилизации в целом. Или в своих способностях очаровываться.

Конечно, будь мне двадцать лет, я бы по-другому всё воспринял. Например, когда я первый раз попал в Англию, на меня Европа произвела со-

всем другое впечатление. Но во время следующих поездок ничего подобного больше не повторилось. Напротив, какое-то недопущение до души, что ли. Хотел даже сказать — отторжение.

— Михаил, у тебя нет ощущения, что в этом отторжении, которое многие в себе сегодня носят, мы можем какую-то опасную черту перейти?

— Рано или поздно, думаю, маятник всё равно вернётся куда надо. А вообще, из всех этих разговоров я понял, что никакого понимания нет и не будет. Но ничего в этом страшного нет. Мы разные. Да ещё и политика сейчас идёт на разобщение. Конечно, надо этому как-то противодействовать. Но без лишних эмоций — спокойно, без суеты, с достоинством. Надо понять, наконец, что больше нет никакого общества «СССР — Франция». И что уже давно пора нам успокоиться и заниматься своим делом, не думая бесконечно о том, как нас кто-то воспринимает. И вообще, мы не обязаны всегда оправдывать чьи-то ожидания. ***

Ожидания... Кстати, известные всем строки о Москве из «Евгения Онегина», с которых начался этот разговор с Михаилом Тарковским, заканчиваются упоминанием о французском императоре и его напрасных московских ожиданиях.

Он ждал повинно-склонённых голов, смиренного подношения ключей «старого Кремля», всяких там колена-нопреклонений и прочих атрибутов принятого в Европе «цивилизованного» поведения в сложившейся на тот момент ситуации. Но так и не дождался. Что, впрочем, совсем не омрачило наших отношений с его страной в будущем.

Любая ситуация рано или поздно меняется. А потому надо набраться терпения и просто оставаться собой.

Чтобы учитель видел и знал

Всё-таки Красноярск — загадочный город. Кажется, с рождения знаешь все его приметы, предметы гордости, парадные безделушки и скелеты в шкафу. Но он продолжает дарить сюрпризы и открывать новые двери. Например, в галерею, картины которой выставлялись даже в Лувре...

Галерея при Институте повышения квалификации работников образования существует ровно 30 лет. В её экспозиции — сотни картин красноярских художников. Здесь бывали многие известные в крае люди, деятели культуры, половина красноярских губернаторов, да и писали об этом собрании картин немало, издан альбом, создан сайт... И, конечно, знают о её существовании все учителя края. Но кто-то, как и я, возможно, откроет это место для себя впервые.

Экскурсию по единственной в стране художественной галерее такого масштаба при учреждении образования провёл Степан АБЕРИН — советник ректора ККИПК, в течение 11 лет возглавлявший институт, а до этого — управление образования Красноярского края.

— Степан Петрович, как началась галерея института: была ли это идея одного человека или некое коллективное решение?

— Нет, это не было коллективным решением. У галереи есть основатель — заслуженный педагог края Игорь Поликарпович ПЕЛЬ. Он был очень образованным, интеллигентным человеком, выходцем из учительской семьи. Преподавал литературу в 48-й красноярской школе, затем работал заместителем директора художественного училища имени Сурикова. Там он помогал многим талантливым слушателям, особенно ребятам из села со слабыми знаниями, и вырастил немало замечательных художников. Всю жизнь общение с художниками было для него внутренней потребностью. Пель часто бывал в мастерских художников, по-настоящему дружил со многими из них, был душой привязан к искусству. Как он говорил сам, «я беседую с картинами, как с людьми». Он был в них влюблён.

А рождению галереи помог случай. Это было в 1986 году. Юрий Евгеньевич ВАСИЛЬЕВ, в то время директор института, должен был встретить очередную столичную комиссию. Интерьер был бедный, а стены на тот момент оказались покрашены страшной зелёной краской. Чтобы немного улучшить вид, Игорь Поликарпович предложил повесить в холле несколько картин. Художник Геннадий Георгиевич ГОРЕНСКИЙ написал пейзаж нужных размеров по заказу института — с этой картины и ещё трёх приобретённых полотен и началась наша галерея.

Когда картины повесили на стены, инициаторы увидели, как горячо отреагировала на них институтская публика: слушатели подолгу задерживались у полотен, обсуждали их... Пель и Васильев решили, что это лучший способ рассказывать о художниках, о живописи. Где ещё сельские учителя могут такое увидеть? Картины — это и приобщение к культуре, и краеведение, и представление о нашей природе. Причём возникла задумка собирать произведения только

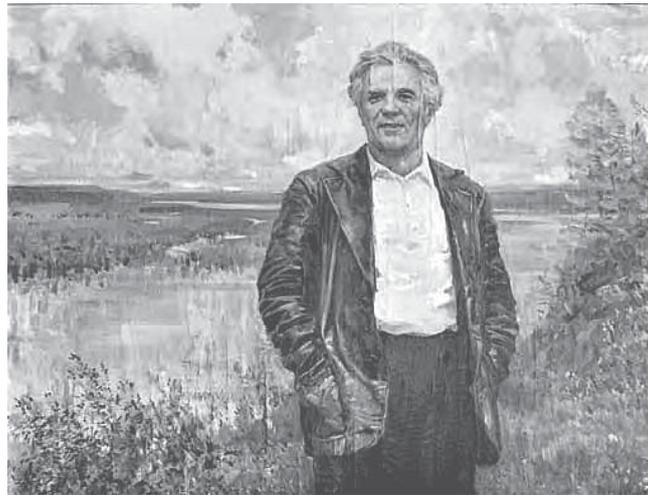
красноярских художников, лучших из них.

Недавно институт попросили организовать передвижную выставку картин из загатника. А у нас ничего в загатнике нет: мы сразу отбирали самое лучшее и всё сюда вешивали. Многие отмечают значительность нашей подборки, коллекция института очень высоко оценивается специалистами.

— Сколько картин в экспозиции? Они вывешены только в коридорах института, специальных помещений у галереи нет?

— Около 250. В основном они висят в коридорах, холлах, в учебных классах. А также в коридорах и комнатах общежития, где живут приезжие учителя. Человеку приятно смотреть на картины, а не на голые стены.

Фонд пополнялся постепенно. Когда картин стало достаточно много, мы решили обустроить небольшой Суриковский зал: ведь именно с Василия Ивановича СУРИКОВА начались красноярские живописные традиции. В этом зале висит большой портрет В.И. Сурикова кисти Валентина Дмитриевича КОРОТКОВА на фоне картины «Боярыня Морозова», постеры «Взятия снежного городка», двух суриковских пейзажей... Конеч-

Т. Ряннель. Портрет В.П. Астафьева. 1985. х., м.

но, подлинников мы себе позволить не можем: цена одной такой картины сопоставима со стоимостью всего институтского имущества.

В нашем Суриковском зале висят также изображение его усадьбы в Красноярске — акварель Валерия Иннокентьевича КУДРИНСКОГО, и городской пейзаж Людмилы ВОЙНОВОЙ-ЧИБИС, жены художника Константина Семёновича ВОЙНОВА. Старая Николаевка, которая изображена на этой картине, выглядит совсем как во времена Сурикова. Я когда увидел этот холст на выставке, сразу за него ухватился. И мы её приобрели.

— Действительно, выбран такой ракурс, что никакие приметы времени, разве что яркий свет в окошках домов...

— Да. Таким Красноярск, думаю, видел и Суриков.

Отсюда, от Суриковского зала, начинается наша галерея. Вот несколько картин с изображениями старого Красноярска. А здесь — пейзажи... Три работы самого Бориса Яковлевича РЯУЗОВА. «Утро. Тишина», «Долина», «Тундра. Морозные дни». Эти

картины завораживают. Они были на многих выставках, в том числе за рубежом. Рязов писал так, как видел. Многие художники пытаются приукрасить пейзаж, но у Бориса Яковлевича яркие цвета появляются только на солнце, а когда нет солнца, краски природы выглядят приглушёнными. Это настоящая северная природа, вечная, мглистая, дремучая.

А это «Вода поднимается» Степана Егоровича ОРЛОВА. Художника уже нет в живых, как и многих других авторов нашей галереи. Эту картину нам подарила его жена, художница Алла Николаевна ОРЛОВА, с которой мы дружим очень давно. В 1992 году она устраивала выставку в Доме художника, и на нас её работы произвели огромное впечатление. Тогда удалось приобрести целую серию натюрмортов. Орлова пишет цветы и травы, и с её букетов в галерее института началась графическая коллекция. У нас есть целая авторская аудитория с её произведениями.

— В аудиториях проходят занятия?

— Конечно. Учителя занимаются среди картин. В институте есть четыре авторских аудитории, где находится сразу по несколько полотен: Орловой, Тойво Васильевича РЯННЕЛЯ,

нашего директора, который очень много сделал для создания галереи. Поддержал Пеля, понял, какое это большое и нужное дело. Одухотворённое лицо, умный взгляд — картина притягивает зрителя.

— Портрета самого Игоря Поликарповича нет?

— Видите сову напротив? Художник Владимир Иванович ОКРУХ, мастер работы с деревом, создал эту композицию и назвал её «Мудрость». Так вот, многие считают эту ярчайшую работу портретом Пеля. На самом деле портрет Игоря Поликарповича ещё при жизни написал его самый большой друг Валерий Кудринский, который решил подарить его институту. Этот портрет по праву займёт своё место в экспозиции галереи.

Здесь же, в холле, висят ещё несколько портретов известных людей. Вот портрет народного артиста России Владимира ЕФИМОВА, созданный Константином Войновым, членом-корреспондентом Российской академии художеств. А рядом его картина «Красный яр», которая побывала на многих престижных выставках.

Ещё один портрет принадлежит кисти Тойво Ряннеля: художник запечатлел Виктора Петровича АСТАФЬЕВА, с которым был в тёплых отношениях. Правда, писателю портрет не понравился. Он говорил: что ж ты меня как буревестника революции изобразил, я не буревестник.

Наискосок от портрета Астафьева висит поразительная работа Кудринского. Художник нарисовал на этом портрете своего 90-летнего земляка из Кемеровской области. Мы его специально повесили здесь, чтобы, проходя мимо, люди могли задуматься, что такое жизнь и как её пережить.

Очень люблю пейзажи Ивана Степановича ДАНИЛОВА. У нас три его работы. Сейчас художник живёт в Китае. Рассказывает, что китайцы очень ценят русское искусство. Пишет на заказ, уже оставил там около 200 картин...

А здесь висят произведения Геннадия ГОРЕНСКОГО. Он единственный из художников, побывавший на Северном полюсе. Пишет сибирскую природу, именно его «Такмак» стал одной из первых картин галереи.

Кстати, картины Кудринского, Войнова, Данилова из нашей галереи в 2012 году ездили в Лувр. Их отобрали для этой выставки в числе произведений лучших русских художников: из шести российских участников трое оказались из Красноярска. Все они получили в Париже высокую оценку, а Константин Войнов — серебряную медаль.

Горенский умер семь лет назад. Вот эта его работа, «На озере Хантайском», на мой взгляд, настоящий шедевр. Как эти лодочки оказались здесь, кто причалил в них к берегу? Эта картина — одна из моих любимых. Когда работал здесь ректором, она висела в моей кабине.

— Степан Петрович, а для учителей в галерее проводятся экскурсии?

— Конечно! У нас в штате есть искусствовед Елена Юльевна БЕЗЫЗВЕСТНЫХ, она пишет книги, знает всё об этих картинах и художниках.

К нам часто приходят всевозможные делегации. Министры российские приезжали. В советские ещё времена — первые лица края, например Валерий Иванович СЕРГИЕНКО. И губернаторы здесь бывали. Валерий ЗУБОВ, Александр ЛЕБЕДЬ, Лев КУЗ-

Ю. Деев. «Суббота. Банный день», 1992. х., м.

К. Войнов. «Красный яр», 2007. х., м.

А. Поздеев. «Гладиолусы», 1992. х., м.

НЕЦОВ. Лебедь был в галерее вместе с главами территорий края: у нас в институте тогда проводился небольшой митинг, посвящённый компьютеризации сельской школы. Походил по коридорам, посмотрел на экспонаты. На «Утро» Сергея Викторовича ГУРЬЕВА, единственную в галерее картину с обнажённой натурой, сказал: «Вот это, ребята, настоящий реализм».

Лев Кузнецов интересовался, есть ли у нас связи с художниками, посещаем ли мы мастерские, и сказал, что хотел бы приобрести какую-нибудь картину. Мы подобрали ему шесть-семь работ в мастерских, привезли, показали. Он купил два пейзажа: Валерьяна Алексеевича СЕРГИНА и Антона Аркадьевича ДОВНАРА. Теперь где-нибудь во Франции висят берёзы Сергина и вид на деревню Самково Дзержинского района, в которой родился Довнар.

— **Картины обоих художников есть в экспозиции?**

— Да, у нас четыре замечательных пейзажа Сергина, которого называют сибирским Левитаном. Среди них — «Весна. Тихий вечер» и «На Енисее. Осеннее утро». Картины написаны крупными мазками, он же не кисточкой, а лопаточкой работает. Произведения его есть во многих частных коллекциях, и не только в России.

— **Сергин живёт в центре Красноярска, я его часто встречаю. Он выглядит как раз так, как в нашем представлении должны выглядеть художники: берет, борода, не хватает только мольберта через плечо...**

— ...а рядом с моим домом находится его мастерская. Бывал у него в гостях много раз — очень яркие впечатления.

Картина «Ночи в тундре» Антона Довнара — одна из тех, с которой началась галерея. Есть и другой Довнар, но не принадлежащий институту — вдова передала нам коллекцию картин на экспонирование. Хотели бы кое-что приобрести, но Нина Васильевна пока не хочет с ней расставаться.

Часть произведений в галерее также висит по договору: мы даём гарантии их сохранности и вывешиваем в экспозиции. На таких условиях размещены у нас несколько полотен Довнара и 10 работ в авторской аудитории Ряннеля: с его дочерью Ларисой мы подписывали договор на три года, и сейчас срок продлён ещё на три года.

Почему нам вообще удаётся собирать картины? Во-первых, художники знают, что мы размещаем только полотна высокого уровня. А во-вторых, на их произведения здесь действительно смотрят! На выставках бывает по несколько посетителей в день, а у нас постоянно новые люди, в год картины видят более 15 тысяч человек. Поэтому авторы всегда идут нам навстречу, особенно не торгуются. И часто дарят свои работы. Вот три картины дивногорского художника

Владимира Алексеевича ФЕДОРОВА — прекрасные сибирские пейзажи. Один из них он нам подарил.

Появляются в галерее и произведения молодых мастеров. Недавно приобрели у Елены ИЛЬЕНКОВОЙ два таёжных пейзажа. Яркие, интересные работы.

А эту работу, «Фиеста», подарила нам молодая красноярская художница Елена ЛИХАЦКАЯ, которая теперь живёт в Америке. Побывала в нашей галерее прошлым летом, была восхищена тем, что увидела, и решила преподнести в подарок свою картину.

Подарком галерее была и работа в технике батика Валерия Александровича ПИЛИПЧУКА. «Ожидание "Титаника"», символическое произведение... Художник с нами дружил, писал стихи. Ещё несколько его композиций украшают коллекцию института, и одна из моих любимых — батик, на котором изображена Караульная сопка, один из символов Красноярска.

Если вспомнить о символах, то очень интересны произведения с мотивами наскальных рисунков. Евгений Сергеевич АННИНСКИЙ, заслуженный учитель России и старейший научный сотрудник музея археологии, освоил технику эстампажа наскальных росписей. У нас висят несколько его копий древних петроглифов. А рядом — картины Владимира Феодановича КАПЕЛЬКО, на которых изображены давно ушедшие под воду Красноярского водохранилища наскальные рисунки. Художник много лет провёл в экспедициях вместе с археологами. «Петроглифы» — так называются и керамические работы Сергея Евгеньевича АНУФРИЕВА, который сейчас возглавляет Союз художников края.

Всех больших художников, картины которых есть в галерее, в коротком разговоре не перечислишь. Вот несколько картин Юрия Дмитриевича ДЕЕВА. «Суббота. Банный день» и «Мыслитель». А ещё постер «Дед ушёл от бабки». Работа Андрея Геннадьевича ПОЗДЕЕВА в нашем собрании всего одна, «Гладиолусы» — картина с потрясающим настроением. От неё словно исходит заряд энергии.

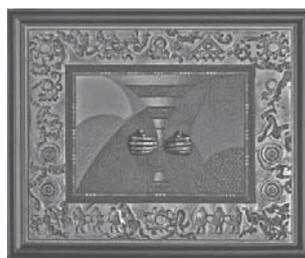
Завершаем мы экскурсию по нашей галерее обычно у композиции «Чаша» Алексея Алексеевича БЕДЫ, которая несколько раз уезжала от нас на выставки. Это символическое изображение жизни, художник словно преподносит людям чашу, наполненную добром.

— **Степан Петрович, можно ли говорить о существовании особой красноярской школы?**

— Безусловно! И она не просто существует, она очень яркая, содержательная! Подобных мало в России. Все, кто приезжает к нам из других городов, бывают поражены уровнем красноярских художников. Как-то раз у нас были в гостях 27 ректоров институтов из разных городов страны. Ректор Российской Академии повы-

Ю. Горенский. «На озере Хантайском», 1986. х., м.

А. Беда. «Чаша», 2004. орг., х., м.

шения квалификации работников образования Э.М. НИКИТИН был так впечатлён, что потом, вернувшись, разведал около своего кабинета несколько картин, подаренных академии в юбилейный год.

— **Удаётся ли пополнять экспозицию сейчас?**

— 30 лет назад нам удалось «схватить» время, собрать много прекрасных произведений. Сейчас многих художников уже нет в живых, а купить их работы сложно: разошлись по частным собраниям, по музеям... Хорошо пополнилась галерея примерно в 2008-2012 годы: тогда купили более 40 работ. Сейчас времена изменились. В год приобретаем не больше двух-трёх картин.

— **Сложно ли институту содержать галерею?**

— Конечно, содержание галереи требует определённых усилий. К счастью, температурный и прочий режим в помещениях таков, что позволяет картинам находиться здесь без создания особых условий. Есть специалист, который ухаживает за полотнами. Все картины мы одели в рамы, а недавно оборудовали освещение, повесили специальные лампы.

— **Степан Петрович, вы много лет занимаетесь галереей, но вашей основной работой всегда было образование. Что происходит в этой сфере сегодня?**

— К нам учителя приезжают со всего края, и новая реальность школы не очень радует. Сейчас, например, когда всё образование увязло в отчётах, ни директор, ни завуч не имеют возможности по-настоящему заняться учебным процессом, формированием новых профессиональных компетен-

В. Пилипчук. Ожидание «Титаника», 1997. батик

ций, что необходимо для внедрения новых образовательных стандартов. Общение с учителем исчезает из поля деятельности управленцев всех уровней. Отчёты, отчёты, живой работы с педагогами на месте не стало.

Или, скажем, раньше учителя были заинтересованы в том, чтобы поделиться своим опытом, чтобы во всей школе математика, к примеру, преподавалась по каким-то новым разработкам. А сегодня, своими нау-хау особенно, делиться мало кто хочет. Ведь это значит поделиться частью своей зарплаты. Новая система оплаты учительского труда, с одной стороны, стимулирует к поискам, но с другой — разобщает учителей. В школах уже нет той атмосферы взаимовыручки, единения, что была прежде, а это означает, что в ней учатся и такие же разобщённые ученики.

— **Повышать квалификацию обязаны в институте все учителя?**

— Конечно. Раньше это было обязательным раз в пять лет, теперь один раз в три года. Так что мы много работаем и всегда ждём наших слушателей. И новых зрителей нашей галереи.

— **А обычные красноярцы могут посмотреть экспозицию?**

— Да, обращайтесь. Нужно заранее связаться с институтом, рассказать о своём желании посетить галерею, и мы с удовольствием проведём экскурсию для всех ценителей живописи и творчества красноярских художников.

Татьяна АЛЁШИНА

По волнам своей памяти

Мы пьём на кухне чай с Ольгой Павловной ЖДАНОВОЙ, доцентом кафедры журналистики Института филологии и языковой коммуникации СФУ. За окном видны новостройки, аккуратной стенкой окаймляющие частный сектор. На подоконнике роскошный дымчато-серый кот. Он демонстративно выгибает спину, трезубя ласки, и то и дело пытается прошмыгнуть на стол. Почувствовав протест хозяйки, Васька на время успокаивается и меланхолично разглядывает мир за окном с высоты седьмого этажа. «Вы уж извините его, он пришел из подвала», — поясняет Ольга Павловна. — Никак не научится хорошим манерам. Но всё, что хочет, скажет. Хорошо владеет двумя языками: телесным и языком звуков».

Ольга Павловна родилась в Томской области на реке Чулым в 1948 г. Места эти были тогда сельские. В ссылке и родилась, став внучкой и дочерью лишенцев. Так тогда их называли, потому что сельские лишались избирательных и других прав. Вскоре родители вернулись в свои родные минусинские края. Школу закончила в Хакасии, а университет — в Свердловске, которому в перестройку вернули историческое название Екатеринбург. Получила диплом филолога, преподавателя русского языка и литературы.

За плечами Ольги Павловны работа в четырёх вузах, включая такой далёкий и экзотический, как *École normale supérieure de Bamako* (в 1975-1977 гг.). В переводе — Высшая нормальная школа в Бамако, столице Республики Мали, одной из самых бедных стран Западной Африки. Образование и медицину в Мали принесли французы, поэтому и название вуза такое же, как у парижского.

Вопрос о том, как она попала в Африку, вызвал у Ольги Павловны поток воспоминаний.

Мали

— Как я попала в Африку, помню хорошо, — начинает свой рассказ Ольга Павловна. — Наш Уральский университет получил из министерства то ли предложение, то ли требование направить для работы во Францию одного преподавателя русского языка. Меня вызвал декан и спросил, согласна ли я поехать. Конечно же, я согласилась. Но когда оказалась в министерстве, там сказали, что дорога во Францию лежит через Африку. В ответ я задала только один уточняющий вопрос: в какую Африку — чёрную, синюю или коричневую, имея в виду цвет кожи африканцев. Меня интуитивно устраивал только коричневый. Так я и оказалась в Мали. И самую красивую женщину — наяву, а не во сне и не на экране — я видела тоже в Мали, хотя побывала в 12 странах, в трёх работала. А какие красивые косички в Мали плетут девочкам! А ведь это не менее трёх часов на каждую девочку! Так что везде красота требует жертв.

Более старательных, дисциплинированных и чутких студентов, чем африканские, я не знаю. Ко мне они пришли на занятия что-то понимающими по-русски, но не говорящими. Заговорили через два с половиной месяца. Конечно, занималась с ними не я одна, все занятия велись на русском языке. Как-то случилось студентам узнать, что в профтехцентре города, где работали наши специалисты, говорят по-русски. Да так, что им ничего непонятно. Озадачившись, они спросили меня: почему. Объяснила. Получив ответ, они до конца учебного года добровольно ходили туда вечерами, четыре раза в неделю: верили в то, что с русским языком у них есть будущее.

Не поэтому ли за два учебных года в группе лишь одна студентка пропустила у меня один день занятий. Тогда мне ребята сказали: «У неё маленькая девочка родилась». На следующий день студентка была уже на занятиях и больше ни разу не пропустила. Я даже не знаю, была ли она замужем. В Мали это совсем не важно, быть матерью важнее. Семьи большие, в некоторых по 50 детей. Четыре жены в доме — возможная, но далеко не реальная норма. Позволить себе это может не каждый мужчина: он должен обеспечивать каждую жену даже после развода, которые и там случаются. И уровень достатка мужчины определяется количеством драгоценностей, что носят на себе его жены.

Моим африканским студентам было примерно 20-22 года. Они были очень внимательные. Когда первый

Вот так и выглядит Бамако

учебный год закончился, мы уехали в июле домой на каникулы. А когда я вернулась, от моей группы остался только один студент, остальные уехали продолжать обучение в Москве, в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы. А этот студент заболел. И я весь год занималась с ним.

Как-то спросила его: «Куда с территории института исчезли все киоски с водой? Ведь они были!». Он пояснил: «А это всё коммерсанты, им невыгодно здесь продавать воду». После перемены прихожу в аудиторию, на столе стоит поднос. На подносе — два фужера и две бутылки воды. Я изумилась. «Вы же спросили про воду, — объяснил он, — вот я и сходил

к директору, сказал, что мой русский преподаватель хочет пить».

Был и другой случай. Пришедший к власти в республике очередной диктатор прижал студентов, отказав им в еженедельной встрече с активом, что до этого было нормой. Студенты забастовали. Тогда власть принимает решение: нам, преподавателям, находиться в пустых аудиториях по расписанию, чтобы студенты поняли свою ответственность. А это 12 часов в неделю, три дня по четыре часа. Сижку третий день, сидеть одной невыносимо тошно и безумно жарко. Когда ведёшь занятия, то на пекло (43 градуса в тени, 70 на солнце) не так сильно реагируешь. Сижку, как и другие наши преподаватели. И вдруг замечаю: на дереве за окном сидит мой студент. Когда занятия закончились, подхожу к нему. Он уже спустился, спрашиваю: «Симба! Зачем, почему?». В ответ: «Ну как... Сейчас в здании полиция, Вы их не знаете, а значит, доверять им не можете. Нас здесь много, я не один. Если кто-то только приблизится к Вам, мы тут же будем рядом». Так нас и охраняли две недели, до конца забастовки.

Не могу не вспомнить и о солидарности малийцев тех лет со студентами: даже дети ходили по улицам города в условленное время, держа в руках студенческие возвания и обращения к власти. Размещались тогда такие обращения на самых разных, говоря современным русским языком, «коммуникативных площадках». Даже на крупах лошадей. Кстати, это очень-очень выразительно, куда как эффективнее, чем на автомобилях. Живое всегда выразительнее, чем железное.

такие встречи нашим посольством запрещались. Правда, первый год запреты были не очень уж железными. Мы с моей коллегой из Москвы бывали дома у них, они у нас, она сама закончила УДН, ей тоже было что вспомнить. Другая моя коллега из Киева встретила в Бамако своего студента, тоже с ним общалась. Но её за это выслали в 24 часа, не сказав правду: прислали подложное приглашение на конференцию в УДН. Она улетела, а нам объявили, что она не вернётся, а нас, её коллег, пригласили в посольство для объяснений. Допрашивали по одному, как преступников. Но всё обошлось.

Однажды мы группой собрались сходить в какой-нибудь африканский ресторан. Сообщили об этом шефу. Он ответил: «Ладно, идите». Через два дня приходит и говорит: «Но вы должны идти только в четыре часа». Хорошо, пойдём в четыре. Проходит ещё сколько-то дней. «Вы должны пойти только в два часа и только в этот ресторан». Проходит ещё время. «Вам надо пойти только в одиннадцать часов и только вот в это место». Мы уже запротестовали, заявили, что не пойдём никуда. Но потом рассказали об этом своим друзьям-малийцам, и они сумели как-то договориться. Приехали, а ресторан сделан как бы из маленьких хижинок: тебя никто не видит, зато ты видишь всех, кто туда приходит. И там битком все эти посольские мальчишки-с-пальчики, работники советского торгпредства.

Я нарушала режим, честно говоря. Мы ездили на работу на небольшом автобусе. Иногда он ломался, и тогда нужно было идти двадцать пять минут по саванне, когда семьдесят градусов температура. А там ещё по дороге может лежать дохлый баран или птица, и запах — сами понимаете. А мост через Нигер — длиннющий и под палящим солнцем!

Студенты знали о наших трудностях и иногда предлагали подвести до института или обратно на мопеде. Один из них, Самба, рассказывал, как притормозил посередине этого моста и обратился к двум учителям: «Садитесь, я вас перевезу». Самба говорит по-русски, женился на русской, у него прекрасные дети, всё время с нами общался. Но они отшатнулись и стали уверять: «Нет-нет, мы уже пришли!». Вот до чего запуганы были.

А я ездила, конечно. Шеф предупредил: на тебя жалуются. Я отвечала: «Но как же я скажу студенту «нет», когда он мне предлагает помощь от всего сердца?». И шеф сказал: «Ну, тогда говори, что я знаю, и я тебе разрешил». Я прожила так два года. Но как можно было иначе? Студенты же знают, что если я пойду пешком, то только потому, что боюсь. Не боялась.

Прожив в Бамако всего несколько дней, узнала от своей коллеги-москвички, с которой жила рядом, что в городе есть малийцы, которые учились в СССР. Они были в числе первых студентов Университета дружбы народов, в Москве прожили по семь лет: два года обучались русскому языку, пять лет — специальности. У некоторых были русские жёны, дети. Дети — очаровательные, другого слова сказать не могу.

Как эти бывшие московские студенты искали встречи с нами! Помогали, рассказывали о себе, подсказывали нам, что, где и как. Русский язык был языком их молодости. А нам

Ещё хуже случай был. Моя коллега, с которой мы жили вместе, однажды встретила своего сокурсника из УДН, гаитянку. На родине у неё случился переворот, вернуться туда после окончания университета не получилось, и с мужем и детьми она мыкалась по свету, пока не оказалась в Мали. Весь год ходила к нам в гости. На второй год я осталась одна и продолжила с ними общаться. Эти встречи скрашивали будни и им, и мне. Но тут шеф говорит: «На тебя поступила жалоба. Ты встречаешься с иностранцами. Нельзя». Попросила его как-то уладить дело, а он хороший был человек. Попытался, не удалось: «Не раз-

решили, нельзя встречаться». Я гляжу на него такими глазами: что хотите со мной делайте, но не могу я им такого сказать. В итоге решили, что я буду звонить каждый раз, когда они захотят прийти.

А стучали на нас учительницы, которые жили этажом ниже. Они потом нам сказали, когда мы уезжали: мы-то ещё приедем, а вы — нет. Это система такая. Но всё равно есть бог, есть правда. Я же потом всё равно во Францию уехала.

Но Африка запомнилась, конечно, больше и ярче. В основном вечерняя: вдоль освещённых улиц под фонарями сидели школьники и студенты; в хижинах электричества нет, а темнеет там рано, около шести часов вечера. И так круглый год (экватор близко), а заниматься надо...

Ещё на улицах можно было встретить змей, переползающих дорогу. Одна моя коллега, что работала в сельскохозяйственном институте, целый год прожила рядом со змеей. Та облюбовала себе местечко на веранде. Местные жители коллегу предупредили: змею лучше не трогать. Не подходила близко к змее и я, когда бывала у подруги в гостях.

Франция

Ольга Павловна говорит, что после Африки во Францию ехать уже не хотелось. Она вышла замуж, защитила кандидатскую диссертацию. Однако десять лет спустя всё-таки решилась — и на два года оказалась в Бургундском университете в Дижоне. Там выучила французский язык, и знание это пригодились ей не единожды и самым необычным образом. Однажды позвонил Жак СЛЛОВ, представился на французском как сын депутата царской Государственной Думы. Человек солидного возраста, родословную свою во Францию восстановил до XV века. И говорит, что раздобыл книжку на русском языке, про Пензу, откуда его корни, и попросил эту книжку перевести на французский.

— А знали бы вы, что я там переводила! География Пензы! Почвы, реки, воды, растительность. Я некоторых терминов не знала даже, приходилось подолгу их искать. Но надо было видеть, какой он восторг переживал, когда я ему читала это. И тогда я поняла, что такое зов родины.

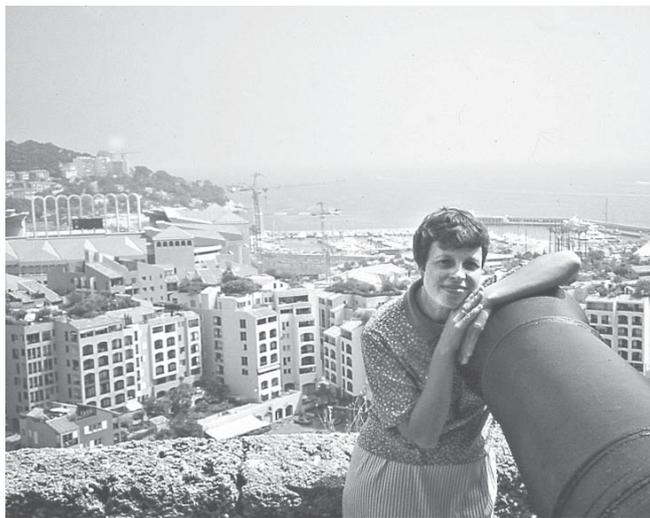
В Париже я не работала, но бывала много раз, наезжая из Дижона, что в трёхстах километрах от столицы. Там работала в Бургундском университете в 1987–1989 гг. Сейчас, если Интернет не врёт, это академия. Город известен не только своей горчицей, но и винами. Поначалу сильно удивляла тематика и проблематика всех учёных советов этого университета — всё о винах, ничего другого не выносилось на обсуждение.

Студенты там были, конечно, не такие, как воодушевлённые африканцы — уже приблизительно в таком же состоянии, как наши. Они не знали, что будет дальше. Такая же неуверенность — зачем они учатся, где они будут работать? Но интересные! У одной дедушка был дирижёр ленинградского театра оперы и балета. Другая жила на ферме с павлинами. Пригласила меня в гости. Там я узнала, как французские крестьяне пьют домашнюю водку: ставят на стол пиапочку, наливают туда алкоголь, берут кусочек сахара, обмакивают и съедают.

Общалась много с французами, с русскими, оказавшимися во Франции после войны. С женщиной из Афганистана (как раз в это время выводили советские войска из этой страны), со шведкой, немкой... Никаких препятствий ни с какой стороны уже не было. Сложными мне показались американские студенты: кажется, что их много даже тогда, когда их только двое.

Круг общения у меня очень обогатился: поняла, что мир, в общем-то, един. И что студенты — лучшая часть любой нации, всего человечества.

А русских людей за границей иногда видеть тяжело, потому что многие думают о том, кто, что и почему купил на распродажах. Для меня во Франции и в Африке было естественно смотреть страну, общаться — ведь я это нигде больше не получу. Никогда не забуду, как в Африке я пришла к портнихе. А у меня с собой пакет — вот такая же авоська, как нынешняя,

В Ницце

и там молоко, кусочек сыра, сметана. Она посмотрела — жена советского военного — и говорит: «Вам, наверное, в Союз неохота». Я спрашиваю: как так? «Так вы же купили молоко, и сыр, и сметану. А мы едим только консервы, которые из Советского Союза привезли — тушенку, крупы. Ничего не покупаем». Они копили деньги, чтобы, вернувшись в Союз, купить машину. Тогда купить машину было сложно. Я машины никогда не любила, а после этого случая ещё больше возненавидела. Людей жалко было.

По Франции путешествовала много. Дижон — это Бургундия, но лучшая часть Франции — это Прованс. Какие там запахи, какие там горы! И Ницца близко. Мужа я долго пыталась туда вызвать, но ему никак не разрешали. Потом через знакомого француза удалось сделать приглашение. Но вы не представляете, как бывает в нашей жизни: визу ему оформили на день моего отъезда из Франции. Я в панике. Вместе с шефом пошли в местную жандармерию просить о продлении моей визы. Женщина меня так спрашивает: «Вам на сколько продлить?». Я так скромно: на десять дней. А она: «А вам что, Франция не нравится? Давайте я вам на месяц напишу?». Так и написала.

Но вы ещё не знаете всей этой системы! Муж приезжает, на третий день я звоню в посольство и прошу его зарегистрировать. Меня спрашивают: а вы кто? Я говорю: жена. «Вы должны сегодня покинуть страну. Или он пусть уезжает. Вы не можете быть во Франции вместе». Я поняла, что спорить бесполезно, попыталась представить, с кем разговариваю. Наверняка с какой-нибудь секретаршей, которая думает о том, что её подруга купила кофточку за десять франков, а она вчера — за двадцать. Значит, положив трубку, она будет думать только о том, как поменять кофточку. И мы прожили там месяц, объехали всю Францию, и никто нас не побеспокоил.

Поезд «Москва-Париж» на обратном пути останавливается на границе в Бресте. Был курьёзный случай, когда ошибка меня спасла. Мы обратно с мужем везли компьютер, тогда компьютеров ещё нигде не было. Спали,

общаешься, а другое — когда опосредованно. И мне очень жаль, что человек сегодня оказывается в такой ситуации — обременённый средствами и ресурсами, которые отдаляют его от других людей. Нам самим становится всё труднее быть естественными. Я понимаю, вы хотите возразить, что техника сближает, но это не то сближение, когда мы глядим друг другу глаза в глаза. А когда всё опосредованно — оно иное. И мы теряем, и эти потери, на мой взгляд, не адекватны нашим приобретениям. Доступность всего и везде нас самих ослабляет.

Всё время удивляюсь тому, как много студентов увлечены английским. Они понимают значимость этого языка. А опасения, что русский язык со временем может исчезнуть, у них нет. Недавно принимала экзамен и поразилась, читая их листочки, как они пишут от руки. Это просто даже не представить! И с этим ничего не поделаешь. Культура оформления текста и речи очень ослабла.

Мой родной Уральский государственный университет до перестройки носил имя А.М. ГОРЬКОГО, а сейчас — Б.Н. ЕЛЫЦИНА. И этот факт, если задуматься, говорит о многом. Власть образования, власть русского языка и власть в образовании — это далеко не одно и то же. Власть русского языка сегодня в мире, к сожалению, слабеет на глазах. Однако, оглядываясь назад, время от времени ловлю себя на мысли, что ведь ни разу не пожалела о том, что на третьем курсе выбрала кафедру русского языка. Вся наша жизнь пронизана русским языком. Он всё знает, хранит и всё замечает, чувствует, на всё реагирует. Его беречь нужно! Он красивый, богатый, чуткий.

Во французском Дижонском университете мне иногда приходилось заниматься со студентами в библиотеке (аудиторий не хватает не только у нас). И после таких занятий ко мне каждый раз подходили читатели, чтобы сказать: «Какой красивый у вас язык». И знакомые французы не раз мне это же говорили. А они свой язык очень любят, заботятся о нём и искренне радуются, когда с ними говоришь по-французски, несмотря на ошибки. В этом отношении русскому языку не повезло: мало мы о нём заботимся. И это проблема — английский вот уже называют планетарным. Выдержит ли наш язык наступление английского по всем фронтам? А ведь без него не бывать ни нашей стране, ни государству, ни нашей власти, ни нашим студентам.

За свои 44 года занятий со студентами я поняла, что самые интересные — это журналисты. Объяснение этому довольно простое: у филологов изучение и познание русского языка — это цель. А у журналистов — это средство (поэтому особенно жаль, что они не ценят русский язык, как должны).

У меня лежит книга «Язык есть Бог» ЯНГФЕЛЬДТА. Я бы очень хотела, чтобы наши студенты и все мы думали, как Янгфельдт и как Иосиф БРОДСКИЙ, что язык — это бог. Тем более что в лингвистике рассматривается и теория божественного происхождения языка.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Россия

Я умею радоваться тому, что есть. Иногда сложно что-то получается. Посмотришь — о, месяц-то какой сегодня яркий! — несколько минут таких впечатлений достаточно для того, чтобы в душе что-то восстановилось.

Сейчас слово «умный» к чему только не приклеивают, в особенности — к технологиям. Я не очень люблю все эти нынешние гаджеты. Потому что одно дело, когда ты вживую

Приказано сохранить. На плёнку

В Год российского кино было бы странно не вспомнить главное из искусств, где жизнь не просто запечатлена как есть, а в самом концентрированном, очищенном от случайного, виде. Передавать суть времени, улавливать мироощущение, быть ритмом и личным метрономом может, кажется, только кино.

История «Красноярского Кинографа» началась в 1935 году. В советское время это учреждение по прокату фильмов было частью большой государственной корпорации «Госкино», владевшей всем кинопрокатом в стране. О настоящем «Кинографе» нам рассказывает его директор Дмитрий КУДРЯВЦЕВ: «Мы единственная кинопрокатная организация на территории Красноярского края. Понятно, что коммерческие кинотеатры работают сами, фильмы расписывают в Москве, но тем не менее у нас около 200 киноустановок, которые мы наполняем репертуаром. Небольшие населённые пункты, сёла, города работают только через нас, не имея возможности самим брать фильмы. Ещё мы оказываем методическую помощь в организации мероприятий, кинопоказов, формируем программы».

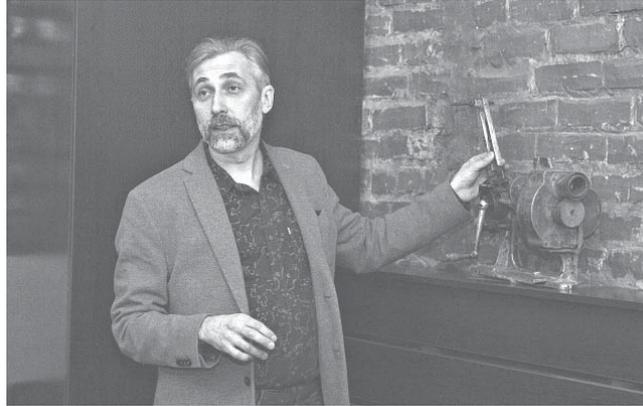
Расцвет «Кинографа» выпал на 80-е. С 1967 по 1988 годы в Красноярске построили современные кинотеатры «Весна», «Победа», «Солнечный», «Луч», «Ударник», «Металлург», «Строитель», «Пилот», «Родина», «Звёздный», показывали фильмы и в городских Дворцах культуры. Первым широкоформатным кинотеатром стал «Юбилейный» (сегодня это кинотеатр «Эпицентр»). Затем и построенные ранее «Луч», «Пилот», «Строитель», «Октябрь» были переоборудованы под показ широкоформатных фильмов. В это время в «Кинографе» работало 6 тысяч человек. На советские деньги доход составлял 15 миллионов рублей, при цене билета 25 копеек! Было около трёх тысяч киноустановок, директор назначался федеральным министром. Это была идеология, политика. Сейчас об этом мы можем только вспоминать в контексте музея», — рассказывает Дмитрий Владимирович.

Мы сидим в небольшом зале, где уже проводят показы фильмов для тех, кто пришёл сюда на экскурсию. В будущем планируется целая серия показов фильмов с плёнкой.

Память здесь повсюду. Например, бережными руками сотрудников собирается, пусть пока небольшая, коллекция кинопроекторов. Несколько штук стоят прямо в кинозале. Здесь есть кинопроектор ГОЗ 1918 года выпуска — первый отечественный портативный 35-миллиметровый кинопроектор: ручной привод, лампочка питалась от внешней динамо-машины, некоторые детали конструкции не сохранились. Многие киноаппараты подарены кинотеатрами — здесь есть «сельская передвижка», которую привезли из Канска, а раньше возили в поле и показывали на полевых станциях кино. Сейчас плёнки, создававшиеся для этих проекторов, оцифровывают.

Аппараты стоят рядком. Есть и для небольших кинозалов на 200 мест, и на большие залы в 600 мест. А итальянский аппарат ещё в прошлом году стоял в кинотеатре «Эпицентр». Или реставрационная машина — производство ГДР; уже страны такой нет, а машина имеется. Интересно, что многие люди сами сдают в «Кинограф» свою технику. «Недавно мужчина принёс киноаппарат конца 40-х годов, мы были удивлены. Аппарат ржавый, в нерабочем состоянии, но вот 70 лет пролежал, и человек его не выкинул», — рассказывает Дмитрий..

На высоких стеллажах целые залежи, горы плёнки. Всего в архивах

4 тысячи наименований. Каждый фильм — не одна банка с плёнкой, а несколько, а каждая банка весит около трёх килограммов, поэтому работает специальный транспортёр, чтобы достать плёнку с нужной полки.

Некоторые записи, которые здесь хранятся, уникальны. Дмитрий Владимирович рассказывает: «Они уникальны как во вселенском масштабе, так и для нас. Фильм «Дирижёр», режиссёр Павел ЛУНГИН. Копий было выпущено 8 штук на всю страну, есть в Госфильмофонде и у нас. Или фильм «Легенда о Нараяме», с которого начались первые ночные показы в Красноярске. Очереди стояли в «Луч» до входа в Центральный парк».

Показывать эти фильмы возможность осталась пока только в самом «Кинографе»: в Доме кино, например, стоит подходящий аппарат, но механика нет. На стереоплёнке сохранился фильм «На златом крыльце сидели»: его ходили смотреть в кинотеатр «Октябрь» (прежнее название Дома кино), где для просмотра выдавали очки (прототип 3D-показов). Ещё тут можно найти фильмы «Сюда не залетали чайки» по повести Виктора АСТАФЬЕВА, «Экипаж», «Генералы песчаных карьеров», даже «Терминатор».

Здание, в котором сейчас находится «Красноярский Кинограф», построено специально для него. В 1935 году краевая контора по прокату фильмов находилась на ул. Ады Лебедевой, позднее переехали сюда — на ул. Пролетарскую, 153. В хранилище с плёнками поддерживается постоянная температура, Дмитрий Владимирович показывает градусник: «Температура достаточно прохладная, сейчас около 17-18 градусов, и

это практически предельный показатель, теплее здесь не бывает. У нас нет специальной системы охлаждения, просто очень толстые стены и отсутствует фундамент, так что в здании холодно. Зимой даже чрезмерно; для плёнки это хорошо, для кладовщика — не очень».

«Кинограф» собирает не только фильмы и киноаппараты, но и всевозможные «киношные» артефакты. Например, автографы актёров и режиссёров, которые приезжают на Назаровский кинофорум отечественных фильмов имени Марины ЛАДЫНИНОЙ, книги, связанные с кино (их здесь больше тысячи). Есть монтажные листы на фильмы. Есть даже вырезанный кусок из фильма «Тарас Шевченко» (режиссёр Игорь САВЧЕНКО, 1951 год), который не вошёл в полную версию; на редких кадрах — Марина Ладьянина. Дмитрий Владимирович добавляет: «У нас есть плёнки даже начала двадцатого века, мы их уже не показываем, только оцифрованные копии». Оцифровывать ещё предстоит многое.

Коридоры «Кинографа» украшены киноафишами — несколько лет назад был осуществлён совместный проект с красноярскими художниками, которые сделали афиши на основе личных впечатлений от фильмов. Но среди этих авторских работ есть и подлинники — реальные провинциальные афиши, нарисованные гуашью. Одну из таких из Красноярска привёз Геннадий РУКША, бывший министр культуры края. Сотрудники «Кинографа» недоумевают: как она сохранилась? Ведь после каждого фильма всё смывалось и рисовалось заново. Ещё одна оригинальная работа привезена из Канска — афиша фильма «Капитан

«Пилигрим», который, кстати, тоже есть в фонде. На другой стене — соул-арт из Ачинска конца 70-х в коллажной технике — отличная возможность увидеть, как анонсировались фильмы в провинции.

Сейчас оцифровывается множество плёнок, например, из фондов Красноярского краеведческого музея. Совсем недавно оцифровали и показали самые ранние кадры, на которых запечатлён Красноярск 100 лет назад. 250 метров плёнки, 8 минут видео, на котором можно увидеть будни людей, живущих в начале двадцатого века. Первый автомобиль, собор на площади Революции, на фундаменте которого сейчас стоит здание краевой администрации, кинотеатр Дом кино, в то время называвшийся «Арс», первое крушение самолёта на крышу дома.

А вот записи 40-50-х годов: поливальная машина моет улицы в центре города, видно, что на проспекте Мира много зелени. Памятник Сурикову открывается в присутствии огромной толпы людей. Сохранились кадры строительства Коммунального моста — кто знает, может, кадры строительства четвёртого моста через полвека будут вызывать такой же трепет. В плане — восстановит кадры с газовой атакой в Красноярске, открытием памятника Ленину.

Недавно «Кинограф» обнаружил, что в Емельяново была районная киностудия, и у них осталось порядка 70 документальных кинофильмов об этом посёлке; это уникальные съёмки, их больше нигде нет.

Мы заходим в проявочный цех «Кинографа», небольшую комнату, где три сотрудника осматривают плёнку на предмет дефектов — режут, склеивают и подписывают прямо при нас. За день, если требуется капитальный ремонт, сотрудница успевает сделать три фильма, перематываются километры плёнки.

До сих пор «Кинограф» проводит и собственные съёмки; в основном это культурные события, которые таким образом документироваются. На самом деле красноярской хроники в «Кинографе» сохранилось не так много — материалы уходили на хранение в Государственный архив документальной кинохроники и фотографии, расположенный в Красногорске Московской области; там они хранятся и сегодня.

Глобальная цель «Кинографа», по словам Дмитрия Владимировича, — стать местом, где живёт кино. А жить оно может в момент показа, когда зритель видит изображение на экране, возникшее словно по волшебству.

Ничто не сохраняет так историю, как документальное её свидетельство. Хотите прикоснуться к этому? В «Кинографе» проводят коллективные экскурсии, причём бесплатные, записаться можно по телефону 243-74-16.

Олеся ПОЗДНЯКОВА

Первый показ хроник, переданных из фондов Красноярского краевого краеведческого музея и восстанавливаемых в «Кинографе», прошёл 19 апреля.

Следите за датами новых показов в группе «Кинографа» ВКонтакте vk.com/krasnoyarsk_kinograf

